
Ксения
Кантор
КНИГА ПЕРВАЯ
В ГЛАВНОЙ РОЛИ
Шелби
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ксения Кантор
В главной роли Шелби

https://litres.ru/74694924
SelfPub; 2026

Аннотация

Я бежала от полиции, а он просто отдыхал в номере отеля. Одна сумбурная встреча, двое незнакомцев и промелькнувшая искра между нами. Для меня это было всего лишь забавное приключение, о котором я забыла уже на следующий день.

Однако судьба столкнула нас вновь, и случайная искра превратилась в пламя. А взаимное притяжение стремительно переросло в любовь — отчаянную, безрассудную, нужную обоим больше воздуха.

Вот только эта история без шансов на счастливый исход. Мы с Хейзом не имели права влюбляться друг в друга. Ведь между нашими семьями существует непримиримая вражда. Она началась еще до нашего рождения, и теперь мы невольно оказались в самом её эпицентре.

Я знаю, отец никогда не примет мой выбор и не позволит быть вместе с Хейзом. Но чем бы ни обернулось эта война, я не отступлюсь. Пойду на все ради Хейза. Ради себя. Ради нас.

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 40
Глава 3. 85
Глава 4. 121
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Ксения Кантор
В главной роли Шелби

Глава 1.

Шелби.

— Да помоги же мне! — кричу я, из последних сил цепляясь за край стеклянного ограждения.

С каждой секундой хватка слабеет, и пальцы соскальзывают все ниже.

Подо мной двадцать три этажа и ни единого шанса остаться в живых, если я сорвусь. Кажется, еще никогда прежде смерть не подступала так близко. Да она буквально дышит мне в лицо! Сердце колотится так громко, что заглушает завывание ветра.

В полнейшем отчаянии смотрю на парня, секунду назад появившегося в дверном проеме. Он стоит в развевающихся белых занавесках и, словно темный ангел смерти, гипнотизирует меня мрачным взглядом.

— Эй! Я вот-вот превращусь в кровавую кашицу на асфальте.

Вот только вопреки моим мольбам незнакомец продолжает стоять истуканом и спасать меня явно не спешит. Что за идиот? Глаза щиплет от подступающих слез. Господи, неуже-

ли я умру вот так – бесславно и глупо?!

— Как ты здесь оказалась? — спокойно уточняет он. Слишком спокойно, учитывая всю катастрофичность ситуации.

— Ты серьезно хочешь поговорить об этом СЕЙЧАС?! — Мой голос против воли срывается на истерический крик.

В ту же секунду левая рука окончательно соскальзывает с края. Я повисаю на одной правой, чувствуя, как меня захлестывает всепоглощающим ужасом.

Горло перехватывает, но я не успеваю издать ни звука. В один прыжок парень оказывается рядом и обхватывает мое правое запястье за мгновение до того, как я срываюсь вниз. Он с силой тянет меня вверх, а второй рукой перехватывает за талию. От напряжения мои одеревенелые ноги отказываются слушаться, превратившись в бесполезные, болтающиеся отростки. И только руки намертво цепляются за шею незнакомца. Охренеть, как должно быть, жалко это выглядит со стороны! Ладно, плевать, главное жива! Я кульком повисаю на парне, позволяя ему перетянуть меня через ограждение. Сквозь сжатые зубы моего спасителя срываются тихие проклятия. Вдруг он запинается о порог террасы, и мы оба летим на пол. К счастью, я приземляюсь на него, а вот мой спаситель, похоже, неслабо приложился затылком об пол.

Несколько мгновений мы лежим неподвижно. Мое судорожное дыхание смешивается с его потяжелевшим. От пережитого стресса все чувства обострились. Я ощущаю под ще-

кой горячую грудь и отчетливо слышу глухие удары сердца, нос щекочет горьковатый аромат цитруса и соленого моря. Так пахнет Сицилия. В памяти мгновенно всплывают картинки из детства – залитые солнцем апельсиновые деревья, ровные ряды виноградников, горячая земля и бесконечная *dolce vita*. Именно таким мне запомнился остров.

Я поднимаю голову и встречаюсь с пылающим темным взглядом, полным подозрений и злости. Незнакомец явно не обрадовался моему появлению, и очарованию моей обманчиво милой внешности тоже не поддался. Хм… странно. Обычно это срабатывает. Особенно с итальянцами, а то, что подо мной прямой потомок римлян, сомнений нет. Такое лицо могло получиться только благодаря отборной итальянской генетике.

— Кто ты? — низкий с хрипотцой голос звучит почти угрожающе, и моя кожа покрывается мурашками. — И что делаешь на террасе моего номера?

У него смуглая кожа, скульптурно очерченные скулы, черные вразлет брови, темные волнистые волосы и обалденные ресницы. Длинные, лучистые, словно лучики маленького солнышка. Обычно такие придают взгляду особую теплоту, а лицу доброту и искренность.

Не ЕГО случай.

Взгляд парня скорее можно назвать пронзительным и парализующим. Мое сердце пропускает удар за ударом все то время, что мы смотрим друг на друга. Кое-как мне удает-

ся разорвать зрительный контакт, и сразу становится легче. Я осторожно сползаю с незнакомца и поднимаюсь на ноги. Только сейчас замечаю, что мой телефон валяется на полу. Видимо, вылетел из кармана при падении. Схватив его, я быстро осматриваюсь.

Роскошный номер - такой же президентский люкс, как тот, из которого я только что сбежала. Просторная гостиная с картинами, современной мебелью и баром. В дверном проеме виднеется спальня с огромной кроватью king size и тяжелыми портьерами. Дорого, претенциозно, душно и тоскливо, как в клетке. Уж мне ли не знать.

Закончив беглый осмотр, я вновь перевожу взгляд на спасителя и попадаю в ловушку темных глаз. Он смотрит тяжело, ровно, ни на секунду не выпуская меня из поля зрения. Черт!

— У тебя есть вода?

Мне тут же протягивают бутылку воды. Утолив жажду, я с опаской кошусь на хозяина номера. Он стоит, заложив руки в карманы домашних брюк. Высокий, обманчиво спокойный. На вид лет двадцать, хотя, возможно, возраст ему добавляет атлетически-развитое телосложение. На нем футболка из тончайшей ткани, под которой легко угадываются очертания поджарого, рельефного торса. Глубокий ворот открывает взору часть смуглой груди. Мой взгляд падает на треугольник обнаженной кожи, и я невольно чуть подаюсь вперед, движимая желанием заглянуть глубже, но тут же одергиваю

себя, возвращая внимание на лицо.

Подруга бы сразу поставила наивысшую оценку, все же он чертовски привлекательный. И исключительно мужественный, никакой смазливости, только маскулинность, только хардкор.

К слову, незнакомец занимается тем же – беззастенчиво разглядывает незваную гостью – то есть меня. Непроницаемый темный взгляд скользит по моему телу. И только недовольно поджатые губы выдают его реакцию на увиденное.

— Я все еще жду ответ, — напоминает он.

Ох, поверь, красавчик, ты не обрадуешься услышанному. Финансовые махинации, воровство, отряд полиции за дверью номера… господи, ну и влипла же я!

А все началось…

Неделю назад.

Стефания гневно мечется по комнате, беспрестанно бормоча под нос ругательства. Её лицо раскраснелось, глаза высекают молнии, чёрные пряди волос растрепались и теперь змеятся вокруг головы, делая её похожей на Медузу Горгону. Пять минут назад подруга вышла из кабинета настоятельницы, и, судя по её взбешённому состоянию, очередная взбучка оказалась особенно убедительной.

— Не знаю, как ты, а я сыта по горло правилами и ограничениями, а от уроков этикета и латыни готова застрелиться! — шипит она, лихорадочно запихивая вещи в рюкзак.

Я наблюдаю за истерикой подруги, перебирая в голове все разумные доводы, способные её остановить. Но, похоже, ни один не сработает. Всё указывает на то, что в этот раз Стеф пойдёт до конца. По большому счёту, моя чаша терпения тоже переполнена, поэтому осторожно интересуюсь:

— Что предлагаешь?

Резко выпрямившись, Стефания зловеще усмехается:

— Бежать.

— Куда?

— Подальше от этой богадельни! Больше ни дня здесь не проведу! Спрячусь в каком-нибудь городишке, найду работу, а через год, когда исполнится восемнадцать, заявлюсь к отцу и потребую свою долю наследства.

Мне едва удаётся сдержать смех. Где Стеф, а где работа?

— Ты со мной? — с вызовом спрашивает она, сверкая карими глазищами.

Дайте-ка подумать…

Я обвожу взглядом убогую комнату и чувствую, как в груди поднимается знакомая волна безудержного гнева.

В католическом пансионе Святой Марии, расположенном в глухой провинции Италии, я провела три года, а по ощущениям — вечность. Отец упёк меня сюда в четырнадцать, после того как я угнала одну из его машин, намереваясь как следует повеселиться. Тогда это казалось дико смешным. А вот потом стало не до смеха. Тачку я предсказуемо расхлестала о придорожное ограждение. Прибывшие на место ава-

рии копы, услышав мою фамилию, благоразумно доставили меня обратно к отцу, который минут десять орал до хрипоты, а после заявил, что с него хватит. Видимо, я здорово допекла его своими безумными подростковыми выходками. И для моей же безопасности (по его мнению) он изолировал меня от общества, поместив в закрытое учебное заведение, где томились такие же непутёвые девицы, отчаянно нуждающиеся в перевоспитании. А дальше… полный отстой. С утра до вечера мы были заняты духовным и интеллектуальным развитием под неусыпным надзором сестёр-настоятельниц. И никаких контактов с внешним миром! Свихнуться можно!

Исключение составляли пятиминутные звонки родителям. Для этого раз в неделю нам выдавали мобильники, а затем сразу же отбирали, чтобы мы ни в коем случае не успели выйти в сеть и заразиться тлетворным влиянием этого ужасного, порочного мира. Не знаю, как поступали другие ученицы, но первые месяцы пребывания в пансионе я отправляла отцу смс одного и того же содержания: *«Забери меня отсюда!»*. Думаете, родительское сердце дрогнуло? Ха! Как бы не так! Ведь Николас Эллингтон неспроста получил прозвище «Спрут». Бизнесмен, сколотивший состояние благодаря удачной женитьбе и связям тестя, он привык действовать безжалостно, всё держать под контролем и всегда руководствовался только своими интересами. И я в их число не входила. Последняя его фраза, кинутая на прощание: «От тебя одни проблемы!» А кому нужны проблемы, пусть даже

и от собственных детей? Уж точно не ему.

Я помнила каждую свою истерику, каждую ночь, когда рвала простыни от ярости и бессилия что-либо изменить, и обещание, которое, словно молитву, шептала поутру: «Я заставлю тебя пожалеть об этом, отец!»

Больше я не написала ему ни строчки и уж, конечно, не звонила. Все каникулы гордо проводила в пансионе, наотрез отказываясь ехать домой. Но как бы я ни бесилась, какие бы диверсии ни устраивала, всё одно — отец и не думал возвращать меня. Казалось, он попросту забыл о существовании дочери. Более того, выдохнул с облегчением.

Ненавижу!

Вероятно, он рассчитывал, что игнор со стороны семьи и заточенье в католическом пансионе сломают меня, а наставницы выкуют из взбалмошной девчонки образованную и благопристойную дочь почётного семейства. И, возможно, в конечном счёте это бы сработало. Но так вышло, что моей новой соседкой по комнате стала наследница греческого магната Стефания Амбелас. И жизнь заиграла совсем иными красками! Стеф оказалась ещё более отшибленной на голову бунтаркой, чем я. В общем, мы быстро поладили и принялись доводить сестёр-настоятельниц вместе. А однажды после отбоя, предварительно подкупив охранника, умудрились сбежать. Провели зажигательную ночь в клубе, вернувшись в комнату только под утро. С тех пор мы проделывали подобное регулярно. И нас ни разу не поймали!

Так что проблем с побегом не возникнет, в этом сомнений нет. В эту секунду меня беспокоит только одно - последствия. На этот счёт иллюзий нет: едва ли нам удастся долго скрываться. Учитывая положение и возможности наших отцов, не пройдёт и суток, как по нашим следам спустят всех цепных псов из личной охраны. И одним небесам известно, чем ответит Николас Эллингтон на очередную выходку своей дочери.

С другой стороны… разве побег — не первый шаг на пути к моей маленькой вендетте?

Встретившись взглядом с подругой, я резко встаю с кровати.

— Извини, Стеф, без тебя… — Только из желания подразнить я выдерживаю драматичную паузу и наконец заканчиваю фразу: — …здесь будет невыносимо. Так что погнали!

В ответ тут же прилетает ослепительная улыбка, а следом в меня летит пустой рюкзак. Не теряя времени, я принимаюсь скидывать в него вещи. Не то чтобы я верю в её план, но хоть какое-то развлечение в череде невыносимо однообразных будней.

Если бы я только знала, чем обернётся наше путешествие и где мы окажемся!

Сейчас.

Незнакомец явно теряет терпение. Он делает шаг ко мне и нависает, точно боец на ринге. Я почти чувствую исходя-

щие от него волны недовольства и агрессии. И одновременно не могу отвести глаз от его лица. Этот гипнотический тёмный взгляд в тени длинных лучистых ресниц, резкие, немного грубоватые черты, безукоризненные губы в сочетании с жёстким подбородком складываются в дьявольски красивую и опасную внешность. Понимая, что дальше молчать нельзя, я нервно облизываю губы и на одном выдохе признаюсь:

— Это всё моя двинутая соседка. — И хотя валить всю вину на подругу не очень-то благородно, какие у меня сейчас варианты? — Она украла кредитку одного богача и сняла президентский номер. А утром пришли полицейские. Мне нельзя попадаться к ним в руки.

Мягко говоря. Представляю, в какое бешенство повергнет отца известие о моём аресте.

— И ты решила прыгнуть на соседнюю террасу? — чуть насмешливо уточняет парень. — А ещё говоришь, соседка ненормальная.

— Ну ладно, — поразмыслив, соглашаюсь я. — Мы обе немного двинутые. Но в свою защиту могу сказать, что воровством я не занимаюсь.

— Как тебя зовут?

— Шелби.

Его бровь иронично изгибается вверх. Но едва ли это способно меня задеть. Уже привыкла к подобной реакции. Я всегда представляюсь своим вторым именем, ведь первое звучит и вовсе как полный отстой.

— Американка? — констатирует он, продолжая наблюдать за мной. — Я сразу понял. А у тебя неплохой итальянский.

Упс, а вот это неожиданно! Я ещё раз придирчиво оглядываю парня. На вид типичный итальянец, разве что манера речи более степенная, без характерной экспрессивности. Интересно, могла ли я ошибиться в первоначальной оценке? Как бы то ни было, сейчас нужно думать о другом.

— Спасибо. А ты…?

— Хейз.

— Рада знакомству, Хейз. Пусть и при весьма необычных обстоятельствах.

Я засовываю телефон в карман джинсовых шорт и протягиваю руку. После секундного замешательства он легонько пожимает её.

— Пожалуй, соглашусь. — Он без проблем переходит на английский. Чистейший, без какого-либо акцента! Из чего я делаю вывод, что у него отличные учителя или же он какое-то время жил в Штатах. — Итак, Шелби, у нас два варианта развития событий. Первый: ты молча раздеваешься и платишь за своё спасение. — Мои глаза непроизвольно округляются. Заметив это, Хейз жёстко усмехается и продолжает: — Второй вариант: ты немедленно убираешься из моего номера. И если вновь попадёшься на глаза, возвращаемся к первому варианту.

У меня мгновенно вздыбливаются все волоски на теле, и

это не фигуральное выражение!

— Считай, меня уже здесь нет. И никогда не было. — С этими словами я стрелой мчусь к дверям и с грохотом захлопываю их за собой.

Помимо унижения, меня терзает вполне объяснимый гнев. За кого он меня принял? За проститутку?

Браво, Шелби, ниже падать некуда!

Миновав длинный гостиничный коридор, я подскакиваю к лифту и жму кнопку. И всё то время, пока он идёт, молюсь, чтобы Хейз не передумал. Но в коридоре тихо. Наконец створки распахиваются, и я ныряю в спасительную кабину. В зеркальных стенах тотчас отражается бледное, перепуганное существо. Спутанные светлые волосы хаотично разметались по плечам, в голубых глазах дрожит страх, белый шёлковый топ надет наизнанку. Неужели это я? Максимально быстро стягиваю одёжку и выворачиваю лицевой стороной наружу. Одевшись, расчёсываю пальцами волосы и щипаю себя за щёки, чтобы вернуть хотя бы подобие румянца. Делаю глубокий, очень глубокий вздох. Так-то лучше! И хотя мой вид сейчас далёк от привычного образа невинного ангелочка, всё же мне удаётся привести себя в порядок. К счастью, успеваю управиться как раз в тот момент, когда створки разъезжаются в разные стороны.

На первом этаже осторожно выхожу в украшенный лепниной и хрусталём холл. Вычурный интерьер дополняют огромные золотистые буквы, складывающиеся в название

отеля — «Кингсли». Но моё внимание привлекают не они, а двое полицейских, в этот момент беседующих с импозантным мужчиной. Судя по виду и манере держаться — управляющим. Я стараюсь слиться со стенами и тихонько продвигаюсь к выходу. Не нужно быть гением, чтобы понять, о чём они беседуют. Точнее, о ком. О двух мошенницах, снявших дорогущий президентский люкс благодаря сворованной кредитке. И накануне вечером заказавших в номер кучу еды и алкоголя.

Всё то время, пока я крадучись пробираюсь к дверям, моё сердце выписывает рваную линию. Чтобы заметить меня, одному из троих достаточно лишь слегка повернуть голову. А дальше… наручники, тюрьма и позорная депортация из страны.

Ноги ступают по мраморному полу почти невесомо и бесшумно, словно идут по тонкому льду. Удивительно точное сравнение! Одно неверное движение — и меня с головой накроет толщей проблем. В тот момент, когда я оказываюсь у массивных дверей, пульс достигает рекордных двухсот ударов в минуту, а перед глазами мелькают чёрные мушки. Я выскакиваю на залитую солнцем улицу и со всех ног бегу подальше от отеля.

Вернее сказать, места преступления, да, Шелби?

И только миновав два квартала, останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Мимо проходят толпы расслабленных, довольных туристов. За столиками уличных кафе посетите-

ли неторопливо попивают кофе. Их дети поедают разноцветные шарики мороженого и сладкие каннолли. Везунчики! В пансионе нас кормили только здоровой, пресной едой, которой порадовались бы лишь лошади. При взгляде на веснушчатого мальчугана, отправляющего в рот лакомство, мой желудок скручивается тугим узлом. Да, сейчас бы чашечка капучино и десерт не помешали. Вот только в кармане абсолютный ноль, как и идей в голове.

Итак, что дальше? Умом я понимаю, что пора звонить отцу, но треклятое упрямство сопротивляется, посылая в мозг отчаянные сигналы тревоги. В попытке унять внутренний тремор я стараюсь медленно и глубоко дышать. Но, чёрт возьми, как же тяжело смириться! Снова оказаться во власти деспотичного отца, позволить ему распоряжаться моей жизнью. Что может быть хуже?!

На языке разливается такой знакомый привкус безысходности. Воображение заполняют позорные картины моего возвращения. Ни секунды не сомневаюсь: эта выходка с побегом обойдётся мне очень и очень дорого. Отец ни за что не простит, более того, придумает новый изощрённый способ наказать за своеволие. И одним небесам известно, в каком забытом богом монастыре я окажусь завтра. Перед глазами унылой чередой выстраиваются однообразные, серые дни, складываясь в месяцы, годы… А ведь это лучшее время моей жизни! То самое, когда нужно веселиться, отрываться на вечеринках, путешествовать, заводить новые знакомства,

встречать с друзьями рассветы, а не зубрить с утра до ночи латынь. Кому вообще в современном мире сдалась чёртова латынь?!

Как вдруг мой взгляд падает на остановку. В этот момент к ней как раз приближается автобус. На электронном табло светится название следующей остановки: «Парк Мирабиландия». Верно говорят, перед смертью не надышишься. У меня ещё есть этот день, и я проживу его так, как хочу!

Не позволяя себе передумать, резко стартую с места и бегу к автобусу.

Хейз.

Утро выдалось нервным. Стоило выйти из душа, как в мессенджер упала ссылка от семейного адвоката. Стоит кликнуть по ней, как на экране возникает скандальный заголовок: *«Кровавые разборки элит. Кто кого на этот раз?»*. На фото парамедики грузят парня в машину неотложки, его лицо скорее напоминает кровавое месиво. Снизу снимка виднеется фото моего старшего брата…. в черной рамке. От жуткой догадки все внутри холодеет. Но я приказываю себе не паниковать и быстро пробегаю глазами статью. В ней говорится, что мой брат не пострадал. Но выдыхать рано. Ведь именно он превратил того парня в отбивную.

Почти сразу позвонил отец и безапелляционно потребовал моего возвращения. Как оказалось, пока я отсутствовал, мой старший братец ввязался в пьяную в драку и теперь

ему грозило серьезное обвинение в умышленном причинении тяжкого вреда. Это известие буквально выбило почву из-под ног.

Чертов Уильям, как же ты невовремя решил размять кулаки!

И дело даже не в том, что его выходка навредит репутации отца. Ерунда, и не с таким справлялись. Но мои долгожданные, заслуженные каникулы! Планируя поездку по Италии, я хотел оказаться подальше от шумихи вокруг моей семьи, пристального внимания прессы и прочего дерьма. Отдыхать на частных пляжах, отрываться на закрытых вечеринках друзей, насладиться средиземноморской кухней и необременительными связями с местными девчонками, без риска попасть в чей-то объектив. И что теперь? Снова возвращаться в тиски делового этикета, фальшивых улыбок и тупых светских бесед!

Надо ли говорить, насколько я был зол после беседы с отцом?!

А тут еще эта воздушная гимнастка... меня одолевали предположения одно хуже другого. Появление незнакомки на террасе двадцать третьего этажа – происшествие почти фантастическое. Но если принять во внимание, кто я, то случившееся уже не кажется таким уж невероятным. Все то время, что она находилась в номере, я ждал провокаций, попыток соблазнения или неудобных вопросов. Однако ничего подобного не последовало. Это насторожило еще силь-

нее. Ведь куколка идеально подходила на роль диверсантки. Обычно именно за такой невинной внешностью скрываются самые продажные потаскухи. Я даже облегчил ей задачу, прямым текстом предложив лечь под меня. Но вопреки ожиданиям, Шелби или как там ее зовут на самом деле, не на шутку струхнула.

Наблюдая, как она кинулась к дверям, я едва сдержался, чтобы не рвануть следом. Самым верным в такой ситуации было бы заломить ей руки и вытрясти всю правду. И сам не понимаю, почему так легко отпустил ее. Уверен, я еще об этом пожалею.

Едва за девицей закрывается дверь, я выхожу на террасу и внимательно сканирую окружающее пространство: соседние окна, улицу, противоположные здания. Но как ни напрягаю зрение, ничего подозрительного не замечаю. И все же на душе неспокойно. Интуиция редко меня подводит. Так и сейчас изнутри неприятно царапают сомнения.

Проверить, лишним не будет. С этими мыслями я шарю по карманам в поисках телефона. Но странное дело, мобильника нигде нет. Возвращаюсь в номер и осматриваю гостиную, затем спальню, ванную комнату. Ничего. Как вдруг мой взгляд выхватывает край черного экрана, виднеющийся из-под кресла.

Подхватываю телефон и свайпаю по экрану. Что за черт? Вместо привычных обоев там красуются две хохочущие девицы. Некоторое время непонимающе пялюсь на фото, и тут

до меня доходит. Похоже, гостья по ошибке забрала мой телефон! Я ведь видел, как после падения она подняла с пола черный iPhone и спрятала в карман. Или в этом и заключалась цель визита: подсунуть мне обманку, а мой телефон выкрасть, чтобы затем продать журналистам вместе со всем личным архивом?

Попытки разблокировать экран ни к чему не приводят. Требуется Face ID или пароль. Предсказуемо.

Тупица! Попался, как наивный дурак.

Так, Хейз, соображай!

Самое первое, что приходит на ум — позвонить на свой телефон и договориться о цене. Если повезет, мне удастся перебить цену, которую мерзавке предложили заказчики. В противном случае… я встрял. Ведь в галерее хранились фото на сраную кучу проблем!

Время! Пора действовать!

Стремительно выбегаю из номера и мчусь к лифту. Через две минуты я уже стою у стойки ресепшен и нажимаю клавиши на телефоне отеля. Из динамика доносятся протяжные гудки. Ну давай же, ответь! Мои кулаки сжимаются в бессильной ярости. Ведь знал, пожалею, что так просто отпустил ее, но и не подозревал, как скоро это случится!

Спустя несколько мучительно долгих секунд, наконец-то раздается растерянный голос:

— Алло…

— Шелби, это Хейз. Ты забрала мой телефон.

— Вот черт! Похоже, ты прав.

— Сколько ты хочешь за него?

— Я не понимаю… в каком смысле?

Либо она прирожденная актриса, либо это часть коварного плана.

— Где ты сейчас? — стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно и миролюбиво, хотя внутри все клокочет от гнева. — Я подъеду, и мы обо всем договоримся.

— А мой телефон у тебя? — настороженно уточняет Шелби.

— Да, я привезу его.

— Окей. Я стою у входа в парк Мирабиландия. Жду тебя здесь.

Завершив разговор, я быстро выхожу из отеля и прыгаю в такси. Через десять минут водитель тормозит у тротуара. Улица встречает меня полуденным зноем, запахом раскаленного асфальта и сахарной ваты. Воздух буквально звенит от множества голосов и криков детей, коих здесь невероятное количество. Стараясь абстрагироваться от суеты, я внимательно оглядываюсь по сторонам и сразу замечаю ЕЕ.

Шелби стоит немного в стороне от центрального входа. Растерянная и встревоженная, она напоминает домашнюю собачонку, которая потеряла в толпе своих хозяев и теперь не знает, что делать дальше. Но я не спешу подходить, продолжая вглядываться в окружающую толпу на случай, если рядом ошиваются ее сообщники. Хотя понимаю, в этом нет

особого смысла. Мне в любом случае придется выложить кругленькую сумму за телефон. Я все еще напряжен, когда приближаюсь к ней и останавливаюсь напротив. При моем появлении на лице девушки вспыхивает неподдельное облегчение.

— Извини, что так вышло, мне очень жаль. — только сейчас отмечаю, что у нее довольно приятный, мягкий тембр голоса. — Я не хотела причинять тебе неудобств, надеюсь, ты простишь мне это досадное недоразумение. Вот твой телефон, Хейз.

Услышав это, я на секунду теряюсь. Цепляет не только голос, но и какие слова она использует. Исключительно грамотная речь, напрочь лишенная сленга. Вот уж не ожидал столь высокопарной вежливости от *бродяжки*. Именно бродяжки! Очень точное определение, учитывая дешевую одежку и потерянный вид. Тем временем Шелби безропотно протягивает мне гаджет и смущенно опускает взгляд. Очнувшись, я забираю телефон и осматриваю его.

Краткий обзор доказывает, телефон цел, более того он сразу идентифицирует мое лицо, а это значит, Шелби даже не пробовала разблокировать его. Хм… неужели все произошедшее и правда досадная случайность? И все же я решаю уточнить:

— Выходит, ты не пыталась украсть мой телефон?

Ее потрясенный взгляд резко взметается вверх и фокусируется на моем лице.

— Разумеется, нет! — возмущённо выпаливает Шелби, при этом ее щеки заметно розовеют. Затем делает вдох и уже более миролюбивым тоном поясняет: — понимаю, своим внезапным появлением произвела на тебя не самое благоприятное впечатление. Но поверь, я не воровка, не проститутка… и уж точно не мошенница. Поэтому не стоит приписывать мне все грехи мира.

Высказавшись, она гордо распрямляет плечи и одним грациозным движением убирает разметавшиеся по плечам волосы за спину. И я снова зависаю. Окружающая какофония отходит на второй план, мое внимание всецело сосредотачивается на внешности Шелби. Сейчас, когда мозг очистился от подозрений, я наконец-то подмечаю детали, которые пропустил ранее. У нее невероятно миловидное лицо: чуть вздернутый носик, изящные ореховые брови и обалденно соблазнительные губы. Но главный центр притяжения – ее глаза. Большие и ясные, насыщенного лазурного цвета, в них непостижимым образом сочетаются невинность и вызов. Я довольно неплохо разбираюсь в людях, поэтому прихожу к выводу, что передо мной очень непростая штучка. Возможно, ее одежда и выглядит убого, но под ней скрывается настоящее сокровище.

Мой взгляд скользит ниже. Наметанным глазом подмечаю идеальную осанку, ухоженную, безупречную кожу без намека на тату, хрупкие ключицы. Под тонкой тканью топа явственно угадываются очертания красивой груди. По-

душечки пальцев начинает покалывать от желания скользнуть под ткань, чтобы накрыть ладонями два соблазнительных полушария. Память услужливо подкидывает воспоминания о тонкой талии и шикарной попке. Все прелести блондиночки я успел ненароком оценить, когда вытаскивал ее с террасы.

Кстати, о блондинках. С чего вдруг я решил, что она блонди? Я вновь перевожу взгляд на ее волосы, доходящие почти до талии. Они цвета весеннего меда, за исключением нескольких прядей у лица, которые выгорели на солнце почти добела. Именно они создают обманчивое впечатление «блондинистости». Вот только передо мной НЕ блондинка, НЕ мошенница и далеко НЕ глупая особа.

С каждой секундой интерес во мне разгорается все сильнее, провоцируя самые греховные желания. Но вот Шелби невинно взмахивает ресничками, и мысли из разряда «18+» перетекают в ужасно грязные. Да-да, я не шучу. Если бы мы оказались в одной постели, я бы взял ее максимально жёстко. Намотал волосы на кулак и протискивался между бедер, пока бы она сама не раздвинула длинные ножки. И пил залпом все сладкие стоны, срывающиеся с ее пухлых губ.

Излишне увлеченный фантазиями, я пропускаю вопрос и глупо пялюсь на ее губы.

— Отдай пожалуйста мой телефон. — настойчиво повторяет Шелби.

Молча протягиваю ей iPhone, но отдавать не спешу. Шел-

би резко дергает гаджет, вырывая из моих пальцев и шумно выдыхает.

— Ладно, мне пора. Еще раз извини за все это… — она неопределённо взмахивает рукой. – Всего хорошо, Хейз.

Не так быстро, сладенькая. Возможно, ты станешь моим утешительным бонусом взамен неудавшихся каникул.

— Шелби, почему ты назначила встречу здесь?

— Эммм… вообще-то я рассчитывала прокатиться на колесе. – она неловко переминается с ног на ногу, явно не решаясь произнести это вслух.

— Но у тебя нет денег, *бродяжка*? — подсказываю я.

На секунду в ее глазах вспыхивает возмущение, но затем Шелби вновь умильно тушуется и едва заметно кивает. Уязвимая, печальная, до предела смущенная своим бедственным положением.

Нищая бродяжка с замашками истинной леди.

И эта двойственность взвинчивает мое любопытство до верхних пределов. Нет, я определенно не готов ее отпускать, пока не пойму, кто же она на самом деле.

— Ну раз мы оба здесь, не вижу причин отказываться от увеселительной прогулки.

— Мне неловко развлекаться за твой счет. — бормочет она.

Я едва не хохочу в голос. Еще полчаса назад я готов был расстаться с десятком тысяч долларов, а тут сотня баксов на аттракционы!

— Ерунда, пойдем. — непринужденно приобнимаю ее за плечи и утягиваю ко входу в парк.

Шелби напрягается всем телом, но послушно идет рядом.

Отстояв длиннющую очередь в кассы, мы подходим к гигантскому колесу. Я задираю голову, чтобы увидеть его верхушку. Должно, быть с такой высоты виден не только центр Римини, но и окраины. Шелби стоит рядом, неожиданно ее лицо бледнеет, и она делает шаг назад. Резкая перемена в ее настроении удивляет. Сама ведь хотела прокатиться.

— В чем дело? — недоуменно спрашиваю я.

— Извини, я передумала.

Какого хрена? Наши взгляды скрещиваются. Всю небесную радужку, словно черная дыра, перекрывает огромный зрачок. И в нем отчетливо читается неконтролируемый страх. Ее грудь резко вздымается вверх - вниз, мелким бисером на лбу проступают капельки пота. До полной картины панической атаки не хватает только тремора в руках. Меня мгновенно пронзает нелепая догадка.

— Хочешь сказать, что боишься высоты?

— Типа того. — даже голос звучит слабо, еле слышно.

— Как же ты тогда осмелилась прыгнуть на мою террасу. Там высота больше двухсот метров!

— Потому что копов я боюсь еще больше, — с досадой поясняет она и вновь возводит испуганные глаза к колесу. Словно перед ней жуткое чудовище, которое вот-вот ее проглотит.

— Я знаю один фокус, хочешь, научу? — Шелби чуть хмурит ореховые брови, и отвечать согласием явно не спешит.

Я протягиваю раскрытую ладонь. После секундного колебания она все же вкладывает свою руку и доверчиво идет со мной. Мы занимаем первую свободную кабинку. Внутри работает кондиционер, что очень кстати, учитывая тридцатипятиградусную жару за боротом. Шелби встает у стекла, намертво вцепившись в поручень. От напряжения костяшки ее пальцев белеют. Я встаю рядом, продолжая внимательно наблюдать за ней. Мной завладевают легкий азарт и предвкушение. Нет, не от чертова колеса, а от спутницы. Невзирая на откровенный страх, она почему-то согласилась прокатиться. Что это? Глупость или смелость?

По мере того, как кабинка поднимается все выше, ее волнение только нарастает. Шелби то и дело нервно сглатывает, но продолжает смотреть на вид за стеклом. Постепенно люди, дома, прочие аттракционы уменьшаются до размеров лего. Ни живая ни мертвая от страха, Шелби смотрит расширившимися от ужаса глазами вниз. Ее дыхание резко учащается, и, кажется, вот-вот прольются слезы.

Идеальный момент! Откинув последние сомнения, плавно перемещаюсь за ее спину и обхватываю поручень рядом с ее ладошками. Между нами всего несколько дюймов. До обоняния доносится сладкий медовый аромат от ее волос. И еще чего-то свежего, нежного, вызывающего у меня легкое чувство эйфории.

У нее милые аккуратные уши и я с наслаждением очерчиваю одно из них кончиком носа. Тихонько шепчу: «*дыши*». Затем откидываю пальцами пряди ее волос, обнажая нежный изгиб шеи, и прижимаюсь к теплой коже губами. Одновременно моя рука ложится на подтянутый живот и принимается легонько поглаживать.

По себе знаю, в стрессовых ситуациях самое верное – переключиться. И я точно знаю, как это устроить.

Шелби.

Перед глазами возникает жуткая картина из моего детства: окровавленное тело на рыжих камнях. Она не выцвела и четкости с годами не потеряла. Все столь же яркая и до ужаса реалистичная. Барабанные перепонки разрывает жуткий, нечеловеческий вопль. Не сразу понимаю, что кричу я. Грудь пронзает чудовищная, режущая боль. И одна только мысль в голове – это не может быть правдой! Все случилось так быстро: еще секунду назад мама стояла рядом, а сейчас поломанной куклой застыла внизу. Я вижу, как медленно и зловеще под ней растекается лужа крови, окрашивая мой мир в алый цвет. До самого горизонта. И нет никакой возможности дышать. Я задыхаюсь, захлёбываюсь слезами и кричу так, что сотрясаются внутренности. Я все еще надеюсь, зову, умоляю… но ничего не происходит.

С силой зажмуриваюсь и резко выдыхаю, тем самым желая избавиться от воспоминаний, что ржавым гвоздем за-

стряли в моей голове. Но это не помогает. В уголках глаз стремительно скапливаются слезы, меня до краев заполняет чувство невообразимого горя. И так происходит каждый раз, стоит мне оказаться выше третьего этажа.

Очевидно, заметив мое паническое состояние, Хейз встает позади. Его руки заключают меня в кольцо, ладони ложатся рядом с моими, почти касаясь. Он проводит кончиком носа по виску, шепча что-то успокаивающее, нежное. Тепло его тела обволакивает спасительным коконом. Исходящие от него волны спокойствия и уверенности, удивительным образом передаются и мне. Недавние переживания постепенно отступают, вместо них возникают совсем иные ощущения.

От его близости по телу пробегают колкие мурашки. Они многократно усиливаются, когда Хейз кладет теплую ладонь на мой живот. Казалось бы, безобидное прикосновение, но сейчас оно кажется мне невероятно интимным. Ощущение тепла и легкой дрожи концентрируются внизу живота точно под мужской ладонью, отдавая волнительной пульсацией. Какие необычные, странные ощущения! Я бы сказала феноменальные, ничего подобного с моим телом еще не происходило.

— Кажется работает, — шепчу я, неотрывно глядя вперед, но не вижу ни высоты, ни зданий, ни людей, оставшихся где-то далеко внизу.

Все мои мысли, чувства развернуты на сто восемьдесят градусов, туда, где за спиной стоит Хейз. И что-то сладко

тянет в теле, пробегает волнительной дрожью под кожей. Я делаю крошечное движение назад, и меня тут же прижимают еще крепче. Теперь наши тела соприкасаются предельно близко. Я чувствую горячее дыхание. Оно щекотит макушку, проходится жаркой волной по спине. Снова и снова. С каждым его выдохом. А тем временем сильные руки продолжают чувственное путешествие по моему телу. Почти невесомыми прикосновениями очерчивают плечи, медленно скользят вниз по предплечьям, переходят на талию и смыкаются. Я судорожно втягиваю аромат цитруса и соли. Он дурманит голову, словно опиат. Способность трезво мыслить окончательно покидает меня. Не в силах побороть слабость, я запрокидываю голову на мужскую грудь.

Теплые губы тотчас припадают к моей шее, и я невольно смыкаю потяжелевшие веки. Поцелуи огненной дорожкой тянутся до самой ключицы. Когда его язык скользит во впадинку, мое тело прошивает сладкая дрожь. Неторопливо, очень чувственно Хейз продолжает пробовать на вкус мою кожу. И от каждого поцелуя во мне растет необъяснимое напряжение, очень похожее на голод. Оглушительно колотится сердце, перекрывая все прочие звуки, и мне никак не удается сфокусировать взгляд. Все внутренние сенсоры трепещут, впитывая его умопомрачительные ласки. Мне нестерпимо хочется обернуться, прижаться к нему всем телом и я делаю это. Затуманенным взором отмечаю, какими резкими и жестким стали черты его лица. Пылающий взгляд напоми-

нает темную бездну, на дне которой все сильнее разгораются угли. И я шагаю в нее без сомнений. Руки сами собой обвиваются вокруг крепкой, жилистой шеи и тянут к себе. Еще ближе, еще теснее, еще жарче, мне это так необходимо.

Нежное начало, лёгкое соприкосновение губ и первая встреча языков, — робкая, едва-едва. Странный шум в голове, уже пустой, потому как все мысли и страхи давно испарились, и нарастающий огонь по венам. Законы земного притяжение меняют вектор, нас с силой притягивает друг к другу, сталкивает и замыкает. Два колотящихся сердца и нарастающий напор на губах. Не ожидала ни я, ни он, мы сливаемся в ошеломительном, безумном поцелуе. Мир перекраивается, исчезает время, в одну точку схлопывается реальность. Наши губы склеиваются, в неистовом танце переплетаются языки. Хмельным дурманом клубится вокруг ставший раскаленным воздух. Рот заполняет его вкус – немного терпкий с привкусом кофе и мяты, но мне до безумия, до дрожи в коленках нравится. Крепкие пальцы сжимают, гладят, до боли впиваются в нежную кожу, а я молюсь только об одном: чтобы он не останавливался. Каждая частичка моего тела наполняется жидким огнем, он бежит по артериям, грохочет в ушах, раскаленными углями ворочается под кожей. В развилке ног множится, нарастает жар, нестерпимый, мучительный. Желая утолить его, я скольжу сосками о крепкий торс, но от этого томительный голод только нарастает.

Кажется, в кабинке закончился весь кислород. Мы оба тя-

жело дышим, наши тела пылают. Хейз на секунду отрывается от меня, захватывает волосы и с силой тянет вниз. Моя голова откидывается назад и горячие губы снова впиваются в шею, срывая с моих протяжный стон. Его отзвуки все еще звучат в голове, как вдруг над ухом раздаётся хриплый срывающийся шепот:

— Приехали.

В голове плотный туман, колени дрожат, и я цепляюсь за футболку Хейза в попытке удержать равновесие. Не знала, что так бывает от одного лишь поцелуя!

Мы вываливаемся из кабинки, словно два человека пережившие небывалое землетрясение. И горячий воздух улицы сейчас кажется прохладным морским бризом. Внутри меня все по-прежнему горит и пылает.

— Вау! Это было незабываемо, — выдыхаю я и встречаюсь с темным взглядом Хейза.

— Точно, — дерзко усмехается он в ответ.

— Кажется, мне нужно присесть.

Он кивает на лавочку невдалеке и провожает меня до нее.

— Пойду куплю нам воды, — с этими словами он удаляется. Вскоре его фигура теряется в толпе прочих посетителей.

Как раз вовремя. Мне нужно пару минут, чтобы прийти в себя.

Оставшись одна, я тру ладонями лицо, пытаясь осмыслить произошедшее. Реакция собственного тела стала полной неожиданностью. Как и те эмоции, что вызвал во мне

Хейз. Каким-то фантастическим образом ему удалось пробудить настоящий вулкан страстей. Повторюсь, у меня случались поцелуи, но все они – жалкое подобие того, что происходило в кабинке.

Что же дальше?

А дальше, Шелби, он предложит вернуться в его номер и довести дело до конца. - подсказывает внутренний голос.

В ту же секунду по спине ползет холодок. Словно кто-то запустил мне за шиворот кубик льда. Это действует очень отрезвляюще: мой закоротивший мозг вновь начинает работать трезво, приказывая бежать. Резко срываюсь с места и устремляюсь к выходу их парка. Понимаю, что поступаю подло и глупо, но мне не стоит продолжать знакомство с этим парнем. Наши пути больше никогда не пересекутся. А вот сотворенная глупость будет преследовать меня до конца жизни. Так что пусть все закончится сейчас.

Я миную выход из парка и перебегаю улицу. Там расположен маленький сквер, и я прячусь в тени деревьев. Достаю телефон и быстро печатаю сообщение.

«Привет, Стеф. С тобой все в порядке?»

«Да, я уже в аэропорту. Слышала бы ты, как орал отец!»

В конце смс красуется смайлик в стиле Мунка. Что ж, очень символично. Именно так я себя сейчас ощущаю. Одинокой, напуганной… обречённой.

«Уже скучаю по тебе. Не пропадай», — пишу я.

Несмотря на то, что в столь бедственном положении мы оказались в основном из-за придури Стефании, я люблю ее всем сердцем. Последний год она заменяла мне и сестру, и мать, можно сказать, стала самым близким человеком. Словно прочитав мои мысли, подруга присылает ответное смс:

«Никогда! Мы с тобой миндальные сестры, детка!»

Последнее сообщение откликается теплом в груди. Еще в начале дружбы мы поклялись под цветущим деревом миндаля, что будем всегда стоять друг за друга горой. И я искренне надеюсь, нам удастся сдержать обещание, как и сохранить нашу дружбу.

Что ж… подруга в безопасности, на пути домой. Пора и мне… как бы ни противилось нутро, я набираю знакомый номер.

— Привет, па! Если тебе интересно, могу сказать, где меня забрать.

Буквально через пятнадцать минут напротив сквера останавливается чёрный «Кадиллак Эскалейд». Из него выходит мужчина в чёрном костюме и быстрым шагом идёт ко мне. Немолодой, но довольно симпатичный, что странно. Обычно отец нанимал амбалов с мордами бульдогов. А этот скорее напоминает учтивого фитнес-тренера. Единственное, что выдаёт в нём личного охранника, — очертания наплечной кобуры под пиджаком.

— Мисс Эллингтон? — вежливо уточняет он. Холодные серые глаза сканируют меня словно рентген. — Меня зовут

Марко, и я сопровожу вас к отцу.

Получив в ответ молчаливый кивок, мужчина помогает мне залезть в джип. Как только хлопает дверь, водитель выжимает педаль газа, и мы стремительно удаляемся от сквера.

Несколько минут проходят в молчании. С ноющей тоской я смотрю на улицу за окном, до одури завидуя прохожим. В их жизни все просто и понятно: есть будни, когда нужно идти на работу или учебу, есть вечера для друзей и выходные, которые ты можешь проводить, как заблагорассудится. Ты сам волен выбирать, с кем общаться и как жить. Увы, мне подобная роскошь недоступна.

Поток невесёлых мыслей прерывает негромкий голос. Я поворачиваю голову и встречаюсь с внимательным взглядом охранника. Только сейчас замечаю, что левую бровь мужчины рассекает шрам. Он придает лицу Марко немного злодейское выражение, как и глаза цвета стали.

— Мисс Эллингтон, нам придется лететь бизнес-классом, поскольку мисс Олдридж взяла самолет вашего отца для деловой поездки.

Мне едва удается удержаться от горькой усмешки. Да хоть в багажном отсеке – не все ли равно каким именно образом возвращаться в тюрьму? Насчет своей дальнейшей судьбы, иллюзий я не питаю. А вот кто такая мисс Олдридж, узнать не помешает. Фу! Ол-дри-джжж от одной только фамилии тошнит. Словно мне в глотку залетело жужжащее насекомое и теперь я пытаюсь его выхаркать.

— Кто она? Очередная дешевка мечтающая стать миссис Эллингтон?

Если Марко и удивлён моему выпаду, то прекрасно владеет своими эмоциями. Его лицо остается совершенно бесстрастным. Столь же спокойно он поясняет:

— Шерил Олдридж – личный помощник вашего отца.

Я невольно фыркаю. С тех пор как умерла мама, «личные помощницы» сменяли друг друга с завидной регулярностью. Глупо было надеяться, что за минувшие годы что-то изменилось. Отец остаётся верен себе и своим омерзительным привычкам.

— Ладно, как бы то ни было, мне все равно. И еще, Марко… зови меня Шелби, пожалуйста.

А дальше был аэропорт, двадцатичасовой перелёт через Атлантику и, наконец, знакомый с детства Нью-Йорк. Вот только за время моего отсутствия город сильно изменился. При взгляде на заваленные мусором улицы и толпы бездомных с пустыми, мёртвыми глазами мне становится жутковато. Большинство из них явно были под кайфом — о том же свидетельствуют разбросанные вдоль тротуаров шприцы.

Что случилось? Как так вышло, что всего за три года центральные улицы крупнейшего мегаполиса превратились в гетто?!

— Почему так много бездомных? — не выдержав, спрашиваю я у своего безэмоционального сопровождающего.

На это «айсберг» невозмутимо пожимает плечами.

— Год от года ситуация усугубляется, но не похоже, чтобы это слишком заботило власть.

Все еще в шоке я продолжаю смотреть на мелькающие за окном улицы и с каждой минутой мне все больше становится не по себе. Может напрасно я так отчаянно рвалась в Нью-Йорк? Похоже, даже безобидная прогулка по центру может закончиться весьма плачевно, не говоря уже об окраинах. Словно почувствовав мою тревожность, Марко поясняет:

— Вам не о чем переживать, Шелби. Мистер Эллингтон очень серьезно относится к вопросам безопасности.

На это я лишь горестно качаю головой. Ведь главная опасность исходит вовсе не от бродяг, а от моего отца, и вскоре мне предстоит столкнуться с ним лицом к лицу. Сцепив подрагивающие пальцы в замок, я отвожу взгляд от окна и сосредотачиваюсь на предстоящем разговоре. А он будет не из легких… мягко говоря.

Спустя полчаса мы оказываемся в районе Лонг-Айленда. Здесь ситуация на улицах выглядит немного лучше, но уровень внутреннего напряжения только возрастает и достигает пика, когда авто въезжает в знакомые ворота.

Выйдя из машины, я окидываю взглядом наш фамильный особняк в георгианском стиле — все те же монументальные колонны и розовые гортензии по обеим сторонам от мраморного крыльца. Вот здесь ничего не изменилось. Тотчас по моя кожа покрывается ледяными мурашками. И, словно желая усилить эффект, с бухты прилетает резкий порыв ветра,

заставляя меня поежиться.

Глава 2.

Хейз.

Ещё издалека замечаю, что лавочка пуста. Как дебил оглядываюсь по сторонам, до последнего надеясь, что Шелби отошла поглазеть на прочие аттракционы или в туалет. Но проходит минута, пять, и я всё понимаю. Меня жёстко кинули!

И все мечты о жаркой ночи в компании медовой малышки летят к чёрту. Выругавшись сквозь зубы, я иду на выход из парка. Одновременно звоню в службу охраны отеля.

— Франческа, мне нужны вчерашние видеозаписи из холла и с верхнего этажа.

Кем бы ты ни была, бродяжка, я узнаю это. А после непременно найду и накажу! Никто, никто не смеет так унизительно обходиться со мной. Чувство досады не отпускает, более того, оно трансформируется в кипящую злость.

Уже в отеле просматриваю видеозаписи. Если верить цифрам на экране, две девицы появляются в холле отеля в десять минут шестого и после оформления заселяются в президентский люкс. Перед дверью в номер установлена видеокамера, на записи с которой отлично видны лица мошенниц. Некоторое время разглядываю подругу Шелби: чёрные густые волосы, оливковая кожа и по два дьяволёнка в глазах. Как сказала Шелби? Двинутая подруга? Похоже на правду.

Делаю скриншот экрана и отправляю его начальнице службы охраны с пометкой: «*Можешь идентифицировать личности?*» Но тщетно: спустя час приходит неутешительный ответ — в полицейских базах на них ничего нет. А это значит, выяснить их настоящие имена и фамилии не удастся.

До хруста сжимаю челюсти от осознания, что эту партию я проиграл. Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох, пытаясь справиться со вспышкой гнева.

Ладно, к чёрту! Я и так слишком много времени потратил на бродяжку. Пора выбросить все мысли о ней и сосредоточиться на насущных проблемах. Мой брат в беде, и, судя по тону, каким говорил отец, в этот раз деньгами не откупиться. На сбор чемодана уходит час. Ещё через час я сажусь в кожаное кресло «Суперджета» и вылетаю домой.

***

Самолёт приземляется ночью, и я сразу еду в городскую квартиру Уильяма. Не желая будить брата, открываю дверь своими ключами и тихонько вкатываю чемодан. Но напрасно я так стараюсь: повсюду горит свет. Я планомерно обхожу все комнаты, пока не обнаруживаю брата в бильярдной. С самым одичавшим видом он бродит по комнате, периодически прихлёбывая из стакана. Скользит безумным взглядом по предметам интерьера, но ни на чём не задерживается. Херовые наши дела… Последний раз я видел Уильяма в подобном состоянии после того, как его подружка умерла

от передоза, а его взяли с поличным с пятью граммами кокса в кармане. От мысли, что дело опять в наркотиках, меня мгновенно охватывает лютая ярость. Неужели жизнь ничему не научила? Отец тогда еле отмазал его, сам Уилл целый год провёл в клинике реабилитации, а после выписки ещё долго ходил на могилу подружки, очевидно, вымаливая у Господа Бога прощение.

Я чувствую, как от переизбытка адреналина наливаются мышцы, резко учащается пульс, и едва сдерживаю желание хорошенько тряхнуть брата, чтобы разом выбить всю правду.

В этот момент он вскидывает голову и радостно вопит:

— Хейз! Рад твоему возвращению.

— Ты должен мне итальянские каникулы.

— Заметано, — криво усмехается брат. — Извини, что пришлось вызвать тебя.

Я же внимательно сканирую его лицо, подмечая любые несоответствия. Но взгляд ясный, движения уверенные, координация и речь тоже в порядке. И я выдыхаю. Наркотики здесь ни при чём.

Вообще мы совершенно не похожи. В отличие от меня, Уильям — счастливый обладатель эталонной американской внешности: пшеничные волосы, светло-голубые глаза и улыбка на миллион долларов. На его фоне я всегда казался угрюмым, молчаливым и слишком… итальянским. У нас общий отец — Джон Кингсли, а вот матери разные. С первой женой отец развёлся спустя пять лет брака и почти сразу же

женился на моей матери — голливудской актрисе итальянского происхождения. Я больше похож на неё, унаследовав от матери чёрные волосы, тёмные глаза и смуглую кожу, тогда как Уилл — вылитый отец. Однако ни разница в возрасте, ни различия во внешности не помешали нам стать по-настоящему близкими. Одно только «но»… Невзирая на тот факт, что мне двадцать один, а Уиллу двадцать шесть, почему-то вытаскивать из проблем постоянно приходится именно его.

— Меня не было дома всего три дня. — Я неторопливо пересекаю комнату и останавливаюсь у бильярдного стола. — Во что ты вляпался на этот раз?

Брат виновато отводит глаза, затем подходит к бару и наполняет второй стакан.

— Для начала выпей. — С этими словами он протягивает мне виски.

Я беру в руки стакан, но пить не спешу. Для начала стоит понять, что за чертовщина здесь происходит. Тем временем Уилл тяжело опускается в кресло и кивает на соседнее. Присев, я выжидающе молчу.

— Я хорошенько надрал задницу одному заносчивому говнюку, — негромко признаётся он.

— Насколько хорошенько?

— На сраную кучу проблем, — резко выдыхает он, и его пальцы нервно проходятся по волосам, взъерошивая пшеничные пряди.

Уильям опрокидывает в себя содержимое бокала. За секунду выражение его лица меняется с расслабленного на максимально серьёзное.

— Мы зависали с ребятами в клубе, а тут вваливается этот дебил со своими дружками и начинает вести себя по-хамски. Требует вип-ложу, грубит хостес, а когда им предоставляют требуемое, они утаскивают девчонку с собой. Я ж видел, они все обдолбанные в сопли. Сам знаешь, что в таком состоянии может сделать компания мужиков с молодой девчонкой. Нашли бы утром в канаве бездыханное тело — и конец.

— И ты решил заступиться?

— Не совсем. — Брат с силой стискивает пальцами стакан и прикрывает глаза. — Мы взяли с собой вышибал и поднялись просто поговорить. А потом слово за слово, ну и… понеслось.

Сложно придумать более идиотскую историю. Не сдержавшись, я выдаю порцию смачных ругательств.

— Твою мать, Уильям, сколько тебе лет? Такое ощущение, что ты всё ещё учишься в старшей школе. Какого хрена ты пошёл за вышибалами и почему сразу не вызвал полицию?

— Понимаешь, я и сам был изрядно навеселе. Думал, пригрозим уродам, посмеёмся над их перепуганными рожами и отвалим. Но тот парень — конченый мерзавец… Я просто не мог не проучить его.

Проучить? Ничего более тупого мне слышать не приходи-

лось. Взывать к совести наркомана, как и учить его, — последнее дело. Со стопроцентной вероятностью тем самым ты добьёшься только агрессии. Однако смущало другое. Брат не раз влипал в истории, но никогда прежде я не видел его в столь подавленном состоянии. Этому могло быть только одно объяснение.

— Судя по твоему охренительно мрачному лицу, парень оказался не так прост.

— Не то слово, брат, — качает он головой, — не то слово.

В этот момент он приподнимает одну штанину, демонстрируя электронный браслет с датчиком слежения. И мне становится окончательно ясно: мы в полном дерьме.

Но не время предаваться отчаянию. Я перебираю в голове всю полученную информацию и прихожу к самому очевидному выводу.

— Надо найти ту девчонку и заставить дать показания против ублюдков.

— Уже, — кивает брат. — Мы предложили ей такую сумму, что она согласилась написать заявление о попытке изнасилования. Тем более это недалеко от правды.

Отлично! Значит, есть шанс отбиться встречным иском и выставить Уилла спасителем бедной девчушки. С этой мыслью я делаю большой глоток виски и прикрываю веки. Но следующий вопрос брата заставляет меня резко дёрнуться в кресле.

— Как там Италия? Удалось хоть немного развлечься?

В памяти тут же всплывает соблазнительный образ Шелби: естественная, не испорченная уколами красота, стройное тело и этот полный наивности небесный взгляд, за которым скрывается… подлая обманщица!

— Лучше не спрашивай, — шумно выдыхаю я. — Сплошное разочарование.

Шелби.

Дом встречает меня мёртвой тишиной. В полумраке огромного холла поблёскивают золочёные рамы картин, свет от хрустальных бра полусферами ложится на тёмный паркет. Мраморная лестница, больше похожая на ленту Мёбиуса, тянется из середины холла, теряясь в пространстве второго этажа. В голове раздаётся издевательский голос:

«Дамы и господа, добро пожаловать в фамильный склеп Эллингтонов. Здесь за занавесом помпезных интерьеров похоронены мрачные тайны трёх поколений семьи. И не счесть, сколько убито надежд».

Окружающая роскошь давит, словно мне на плечи опустили бетонную плиту. Но спустя мгновение всё меняется! Из гостиной с восторженным лаем прямо на меня несётся золотистый ретривер.

— Эрни! — С моих губ срывается радостный смех. — Как же я скучала!

Он с разбегу кидается на меня, едва не сбивая с ног. Его розовый язык норовит облизать моё лицо, в то время как

хвост бешеным маятником мечется из стороны в сторону. Я опускаюсь на колени и пытаюсь обнять питомца. Что не так-то просто! Из-за переполняющих эмоций Эрни словно взбесился, продолжая скакать вокруг меня. Наконец мне удаётся его немного утихомирить и от души потискать. В этот момент я чувствую себя абсолютно счастливой, совсем как в детстве, когда самой большой моей проблемой было отсутствие в вазе конфет. К моему облегчению, Эрни ни капли не изменился: всё такой же жизнерадостный, игривый и бесконечно любящий свою хозяйку.

Нашу милую возню внезапно прерывает незнакомый женский голос:

— Мисс Эллингтон, ваш отец ждёт вас.

Подняв взгляд, обнаруживаю в дверном проёме незнакомку в чёрном платье. На худощавом лице ни проблеска эмоций, лишь холодная учтивость. Вот бы кому не помешало пообщаться с Эрни! Как знать, возможно, капля его жизнерадостного нрава передалась бы и ей.

Кинув на пса грустный взгляд, я поднимаюсь на ноги и поправляю одежду. На мне всё ещё легкомысленный шёлковый топ, джинсовые шорты и бежевые эспадрильи. Так себе наряд для аудиенции с ГЛАВНЫМ. Но поскольку выбора нет, придётся идти так. Я делаю несколько шагов в сторону незнакомки.

— Позвольте представиться, я — Глория Кейн, экономка, — чопорно изрекает женщина.

— Приятно познакомиться, миссис Кейн. Я Шелби, — киваю я, пытаясь выдавить из себя улыбку.

Ну вот началось: прислуга, рамки, этикет и так далее. Вместе мы доходим до знакомых массивных дверей. После трёх почтительных постукиваний до слуха доносится скупое: «Войдите». Экономка распахивает передо мной дверь и, как только я переступаю порог, аккуратно закрывает её за моей спиной.

Заметив статную фигуру отца за столом, я невольно замираю и обвожу затравленным взглядом окружающую обстановку.

Кабинет отца… Как бы помягче выразиться… Вообще он квадратный, но выглядит как Овальный (тот самый!): старинный стол из красного дерева, портреты великих предшественников на стенах и непередаваемая атмосфера значимости, исходящая от его хозяина. В этот момент отец просматривает какие-то документы и далеко не сразу удостаивает меня взглядом — холодным и равнодушным, словно я — пустое место. И так было всегда. Я не входила в круг его интересов, всё внимание и забота доставались моему старшему брату. Со мной же отец вёл себя подчёркнуто пренебрежительно и отстранённо. И вроде за семнадцать лет можно привыкнуть, но грудь привычно царапает жгучая обида.

— Элизабет… — раздаётся его ледяной голос.

И всё внутри переворачивается от отвращения. Ненавижу своё первое имя! Ненавижу, когда отец произносит его ТА-

КИМ тоном.

— Отрадно, что ты наконец-то соизволила объявиться.

«Привет, милая, как дела? Как поживаешь? Я скучал, мне очень тебя не хватало. Иди же скорее, дай своему старику тебя обнять».

Вот как должен приветствовать любящий отец после трёхлетней разлуки. Но в том-то и заключалась проблема: отец никогда меня не любил.

— Здравствуй, папа. Отлично выглядишь, — в тон отвечаю ему. — Отрадно, что кровь подчинённых столь благотворно действует на твоё здоровье.

На секунду в глазах отца мелькает недовольство, но лишь на секунду. Уже в следующее мгновение передо мной вновь хладнокровный и до предела собранный Николас Эллингтон, граф Дракула. Шутка, конечно. Но вот вам фанфакт: за время моего отсутствия он ни капельки не изменился. Ни единой новой морщинки на лице, ни дряблости или сутулости. Без чужой крови тут явно не обошлось!

Тем временем он указывает величественным жестом на кресло напротив своего стола.

— Присаживайся. Нам предстоит многое обсудить.

Я послушно опускаюсь в кресло.

— Итак, твой побег…

— Я не вернусь в пансион, — выпаливаю я. — Хватит прятать меня, как незаконнорождённое отродье!

Отец едва заметно морщится, но, странное дело, не спе-

шит осаживать меня резкими фразами или упрекать.

— Защищать тебя — моя прямая обязанность. Жизнь полна искушений и опасностей.

— Думаешь, в закрытых пансионах я научусь жить?

Он поднимается из-за стола и медленно подходит к окну. И вновь я отмечаю: отец в великолепной форме. Всё такой же подтянутый, крепкий и моложавый. Словно даже время отчаялось доконать этого упрямца и махнуло на него рукой.

— Ответь-ка мне на один вопрос… Ты готова к нью-йоркской жизни?

— Да я мечтаю об этом!

— Что ж, в таком случае будь по-твоему.

Мои глаза невольно округляются. Вот так просто? Ни споров, ни условий, ни угроз? Может, всё дело в подступающей деменции, или необычайной активности Солнца, или какой-нибудь ретроградной фигне. С чего вдруг столь невероятная покладистость? Но я тут же одёргиваю себя, напоминая: Николас Эллингтон — мастер грязных игр, более того, он — их отец-основатель. Коль он так легко согласился, значит…

— В чём подвох?

— Ты наверняка не в курсе последних событий. Видишь ли, я баллотируюсь в Сенат от штата Нью-Йорк.

И вновь потрясение. Отец всегда страдал излишним тщеславием, но Конгресс США… не слишком ли высоко он замахнулся? Я лихорадочно обдумываю новость и прихожу к

выводу: не слишком.

Всю свою жизнь он только и делал, что карабкался вверх. Будучи урождённым Смитом, отец даже взял фамилию моей матери, чтобы ничто не напоминало о его скромном происхождении. Мой взгляд невольно устремляется на стену, где в ряд висят портреты трёх поколений моих предков. Надо признать, среди них были известные политики. И, очевидно, отец рассчитывает вписать себя в одну строчку с их именами, желая во что бы то ни стало доказать, что ничуть не хуже именитых представителей почтенного семейства Эллингтон.

Что ж, он оставался верен своим амбициям, а что касается меня…

— Желаю удачи. Но мне вот интересно, стоит ли высокий статус таких жертв? Я же верно понимаю: наша и без того неспокойная жизнь станет и вовсе невыносимой?

— Власть, Элизабет, — самый сильный наркотик. Её всегда мало.

Ах, вот оно что!

— Тебе виднее. Но при чём здесь я?

— Видишь ли, избирателям нравятся крепкие семьи. Моим PR-агентам удалось выгодно обыграть статус вдовца, но с отсутствием дочери возникли сложности. Мне всё чаще задают провокационные вопросы касательно твоего местонахождения. Так что пришло время вывести тебя из тени.

Ясно, отцу выгодно моё участие в предвыборной кампании. Не более. Глупо было надеяться на что-то более глубо-

кое. Я подавляю горькую усмешку, готовую сорваться с губ, и на всякий случай уточняю:

— Моя задача — изображать любящую, послушную дочь, верно?

— Верно, — чеканит он, — а ещё безоговорочно поддерживать меня, сопровождать на интервью и мероприятиях, стоять рядом на встречах с избирателями. Быть милой, улыбаться, ни словом, ни делом не провоцировать прессу. И уж тем более меня.

Матерь Божья, всё гораздо хуже, чем представлялось в начале разговора.

— А после выборов?

— Когда я выиграю, станет полегче. Ты продолжишь учёбу в школе, далее поступишь в колледж. Обычная студенческая жизнь.

— Окей, я согласна.

Как будто у меня есть выбор.

Очевидно, отец купился на покладистую версию Элизабет. На его лице появляется самодовольное выражение.

— Ты повзрослела и, хочется верить, поумнела. Надеюсь, я не пожалею о своём решении.

Боже! Он всё никак не может забыть свою тачку! Едва удерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Вместо этого вскидываю подбородок и уверенно отвечаю:

— Не пожалеешь.

Между тем отец возвращается за стол и расслабленно от-

кидывается на спинку кресла, складывая пальцы домиком. Его любимая поза, которая, очевидно, должна всем показывать, кто здесь на самом деле большой папочка.

— У тебя неделя, распорядись этим временем с пользой. Освойся, приведи себя в порядок. — Его красноречивый взгляд проходится по моей одёжке. — Выглядишь как бродяжка.

Бродяжка… От этого слова что-то неприятно вздрагивает в груди. Именно так назвал меня Хейз. Меня до сих пор мучает совесть, ведь я поступила с ним очень подло. Но я беру себя в руки, откидывая посторонние мысли.

— А что будет после этой недели?

— Увидишь, — туманно отвечает папа и возвращается к бумагам.

Это значит, аудиенция подошла к концу. Я направляюсь к дверям и уже тяну руку к ручке, как вдруг…

— Бесси… — неожиданно окликает он, и я замираю, забывая, как дышать.

Последний раз отец обращался ко мне так в детстве.

— Тебя не интересует, где твой брат?

Вечеринка, яхта, гольф-клуб, подружки… В голове проносится множество вариантов.

— И где же он?

— В госпитале. Ему крепко досталось. Если хочешь навестить брата, Марко отвезёт тебя к нему.

Мой пульс мгновенно подскакивает до верхних пределов.

Почему Майкл оказался на больничной койке, отец, разумеется, не потрудился мне рассказать. Но я и не рассчитывала.

Изо всех сил сдерживая панику, я вылетаю из кабинета. За дверями меня уже ждёт охранник. Он молча ведёт меня к машине. Весь путь до госпиталя занимает полчаса. За тонированными стёклами яркими огнями мелькает вечерний город. Но едва ли я могу хоть что-то рассмотреть. Все мои мысли занимает брат. В итоге я накручиваю себя до нервной дрожи и никак не могу открыть заднюю дверь, когда машина останавливается на больничной парковке. К счастью, Марко оказывается достаточно любезным, чтобы не только распахнуть мне дверь, но и придержать за локоть, чтобы я не навернулась с высокой подножки.

Вместе мы заходим в приёмный покой. От запаха антисептика щекочет нос. Из динамика доносятся короткие объявления, предназначенные для персонала. Мимо нас пробегают парамедики с каталкой, на которой хрипит молодой парень. И мне становится по-настоящему дурно. Марко бросает короткий взгляд на моё резко побледневшее лицо и быстро отводит меня к лифту. Мы поднимаемся на пятый этаж и оказываемся в просторном коридоре. В отличие от первого этажа, здесь очень тихо. Марко уверенно ведёт меня вперёд. Несколько раз он сворачивает и наконец останавливается у входа в палату. Я на цыпочках вхожу внутрь и замираю. На больничной койке, вне сомнений, лежит Майкл. Эту смазливую мордаху я узнаю из тысячи. Вот только половина его

лица раскрашена всеми оттенками жёлтого и фиолетового, а голова туго перевязана бинтами. Но самое ужасное — его рука! От локтя до пальцев её покрывает гипс.

При виде брата моё сердце болезненно сжимается, а к горлу подступает ком.

— Хей, Элли-Шелли, неужели это правда ты? — доносится до боли знакомый голос, и я тут же устремляюсь к койке.

— Майкл… Господи! — С моих губ срывается всхлип, и я изо всех сил сжимаю челюсти, только чтобы не разрыдаться.

Склонившись над братом, осторожно убираю со лба прядь каштановых волос, точь-в-точь как у отца в молодости. В отличие от Майкла, мне достались светлые волосы от бабушки Аделин Эллингтон, а вот утончённые черты лица и необычный цвет глаз — ярко-голубой с золотистыми крапинками — у нас с братом от мамы. Едва наши взгляды встречаются, по моей щеке скатывается предательская слеза. Быстренько смахнув её, я выдавливаю улыбку и пытаюсь замаскировать тревогу шуткой:

— Выглядишь так, словно столкнулся с бульдозером.

Здоровой рукой Майкл ловит мою ладонь и слегка сжимает её пальцами.

— Не представляешь, как я рад тебя видеть…

— Что случилось?

— Нарвался на мудаков. Ничего, скоро всё будет в порядке.

Учитывая гипс и огромную гематому на лице, его слова

звучат не слишком убедительно.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше всех! Мне дают лёгкие наркотики, — с нарочито довольной улыбкой заявляет он и пытается смеяться, но тут же заходится мучительным кашлем, корчась на кровати.

И это становится последней каплей. Из моих глаз брызжут слёзы, и я не могу это контролировать. Майкл — единственный в семье, кто понимал меня и заботился обо мне! После смерти матери именно он успокаивал меня ночами, когда я билась в истерике от преследовавших кошмаров. Именно он всегда защищал меня перед отцом. Оберегал от глупостей на вечеринках, выслушивал, какую бы чушь я ни лепетала. Брат, мудрый друг, собеседник, мой личный ангел-хранитель. И видеть его таким было очень больно.

Заметив слёзы, братишка неодобрительно поджимает губы.

— Серьёзно, Шелби, не стоит меня жалеть. Всё будет хорошо. Как сама? Ты к нам надолго?

На лице брата явственно читается тревога. Он всегда искренне сочувствовал моему изгнанию и поддерживал как мог. Единственное, чего он не мог, — помешать решениям отца.

— Надолго, — сквозь слёзы бормочу я. — В пансион я больше не вернусь.

Глаза брата изумлённо округляются, точь-в-точь как у меня недавно.

— Тогда… с возвращением, сестрёнка!

Я аккуратно обнимаю его и едва успеваю увернуться от щелчка по носу. В гипсе, капельницах, а всё туда же!

Мы ещё болтаем некоторое время. Я успеваю рассказать о своём побеге и последовавших за ним приключениях. За что получаю от брата суровый выговор, но по глазам вижу — он в восторге от услышанной истории. Наш разговор прерывается, когда в палату заглядывает Марко.

— Ладно, увидимся завтра, — с сожалением прощаюсь я.

— Ты придёшь?

— Да, и прихвачу с собой книгу.

— О нет… — стонет брат, но на губах расплывается озорная улыбка, от которой щемит в груди.

Господи, как же я его люблю!

Хейз.

Перестроиться и пережить джетлаг мне, конечно же, не дали. Следующим утром в девять позвонил отец и назначил встречу на полдень. Я приезжаю в загородный гольф-клуб за десять минут до назначенного времени и прямиком иду в местный ресторан. К этому моменту я уже в курсе всех подробностей дела и знаю главных фигурантов. Ситуация, в которую загнал себя Уилл, крайне паршивая и скорее напоминает тупик, но сдаваться рано.

Вскоре появляется отец. В светлых хлопковых брюках и рубашке поло. Он явно только что с поля. Выглядит доволь-

ным и расслабленным. Мы сдержанно киваем друг другу и усаживаемся за столик.

— Как поживаешь, сын?

— У меня всё отлично.

Отец рассеянно кивает и снимает кепку, приглаживая светлые волосы.

— Знаю, ты рассчитывал провести в Италии месяц, но сам понимаешь, обстоятельства требовали твоего возвращения.

— Как раз этого я не понимаю. Чем я могу помочь Уильяму?

— Уильяму, — задумчиво тянет он, — боюсь, никак. Твоя помощь требуется мне. Винсент, нам обоим известно, что ты отличаешься большим благоразумием, чем твой старший брат, — глубокомысленно изрекает он, и все мои внутренние датчики немедленно выдают сигнал «аларм».

Столь официальное начало не сулит ничего хорошего. Отец крайне редко обращается ко мне по первому имени, прекрасно зная, что я предпочитаю менее пафосное «Хейз», которое записано в моём паспорте вторым. И если такое случается, значит, быть беде. Мгновенно подобравшись, я весь обращаюсь в слух.

— На время, пока Уильям находится под домашним арестом, ты займёшь его место на посту управляющего новым отелем. Скоро открытие, и для меня особенно важно, — он делает ударение на слове «важно», — чтобы всё прошло безупречно.

— Отелем?

Для меня это становится полной неожиданностью. Как бы помягче выразиться… Я ни черта не смыслю в гостиничном бизнесе. Да, я с детства наблюдаю, как родитель развивает сеть семейных отелей «Кингсли». В наследство ему достался лишь захудалый гостевой дом, однако за двадцать лет он смог преумножить и развить бизнес до невероятных масштабов. На сегодняшний день сеть включает в себя семь отелей премиум-класса: три в Америке, ещё четыре в Европе. Насколько мне известно, восьмой, в центре Нью-Йорка, должен открыться этим летом… при непосредственном участии Уилла.

Видимо, отец верно считывает выражение моего лица, которое можно расценить как крайне недоумённое. И успокаивающе хлопает меня по руке.

— Это отличная возможность проявить себя и вникнуть в тонкости семейного бизнеса. У тебя будут толковые помощники, кроме того, ты всегда можешь обратиться ко мне за советом.

Он говорит так, словно уже всё решил. Первый мой порыв — отказаться, но я медлю. С одной стороны, я никогда не мечтал стать частью империи Кингсли, желая построить карьеру в юридической сфере. С другой стороны, разве в трудные времена семья не должна держаться вместе?

— Почему ты сам не займёшься новым отелем, раз он так важен?

— Мне предстоит напряжённый предвыборный тур… — напоминает отец, многозначительно вскидывая брови.

Ах, ну да, и как я мог забыть! Как любой успешный человек, достигший высот в бизнесе, Джон Кингсли всерьёз вознамерился покорить ещё одну вершину, а именно политическую. Его целью, ни много ни мало, является Конгресс США. Он метит в сенаторы и даже слышать не желает о проигрыше. Что ж, надеюсь, он не натрёт себе кровавых мозолей и не свернёт шею, карабкаясь по лестнице политической власти.

— А как же моё обучение? — делаю я последнюю попытку.

— Не волнуйся, к началу учебного семестра ты сможешь вернуться в Гарвард. Как только ситуация по делу Уилла прояснится и с него снимут чёртов браслет, он вернётся к своим обязанностям.

Заявление отца немного снижает внутреннюю тревожность. До конца каникул остаётся два месяца. Как знать, возможно, мне удастся свалить из Нью-Йорка пораньше?

— Хорошо, — соглашаюсь я, хотя понимаю: моё «да» — чистая формальность.

— Вот и славно. А теперь давай закажем еду, я жуть как проголодался.

Всё время, что длится ланч, он заинтересованно поглядывает на соседний стол, за которым сидят две девицы в коротких юбочках. Одна из них подхватывает игру в переглядки и вовсю строит глазки. Ни секунды не сомневаюсь: как толь-

ко я покину ресторан, отец не преминет завязать новое знакомство со всеми вытекающими. Всю лживость брачных уз я познал в довольно юном возрасте, застукав отца с любовницей. Помню, меня тогда захлестнули жгучее негодование и обида за мать. Впервые в жизни я кричал на отца и был так зол, что меня буквально колотило. Но отец отмахнулся от меня, как от глупого щенка, сказав, что с возрастом я сам во всём разберусь.

О, я много чего понял, повзрослев. Например, что любовь между родителями напоминает шоколадное яйцо — с виду безупречное, в яркой обёртке, всем на зависть, но очень хрупкое и совсем не с тем сюрпризом внутри, которого ожидаешь. А также постиг всю суть гостевого брака, в который в конечном счёте вылились отношения предков: удобно, обоюдно, необременительно. Вот только с тех пор у меня начались проблемы с контролем эмоций. Так и сейчас всеми силами стараюсь не обращать внимания на происходящее, но в груди тугой воронкой закручивается отвращение, щедро приправленное злостью. Спешно заканчиваю ланч, прощаюсь с отцом и запрыгиваю в машину. Машина с визгом шин срывается с места, оставляя на асфальте две чёрные полосы. Как это водится, скорость и адреналин помогают справиться со вспышкой гнева, так что к семейному особняку я подъезжаю почти в адекватном состоянии.

Мать встречает меня на террасе, задумчиво потягивая коктейль из тонкого фужера. Как всегда изящна и ослепи-

тельно красива. И это не преувеличение любящего сына. В прошлом Жаклин Арно — успешная голливудская актриса, сорвавшая джекпот в виде мужа — молодого бизнесмена Джона Кингсли, успевшего заработать свои первые миллионы. Когда они поженились, ему было тридцать, а ей всего двадцать два. К счастью, они успели зачать меня во время медового месяца, до того как огонь страсти задули сквозняки семейной жизни. Отец был всецело занят развитием бизнеса, а мать, едва родив меня, всеми силами старалась вернуться на большой экран, но, увы, момент был упущен. Ей предлагали роли лишь в ситкомах и третьесортных малобюджетных фильмах. Так что ей пришлось оставить актёрскую карьеру.

Однако, невзирая на то, что она уже лет двадцать не снималась в кино, старые привычки никуда не делись. Мама всегда выглядит так, словно вот-вот прозвучит команда: «Мотор, камера!» Серьёзно, я ни разу не видел её без укладки или в расхристанном домашнем халате.

И никогда не чувствовал искренности.

Все её движения, реплики, выражения лица чётко выверены. Когда она улыбается, обнимает или одаривает поцелуем в щёку, я не могу отделаться от ощущения, что всё это не для меня, а ради публики. Зачастую это просто невыносимо… И это причина номер два моих проблем с эмоциями. Рядом с ней я чувствую себя всего лишь персонажем, вынужденным играть второстепенную роль в тщательно срежиссированном

спектакле.

Кроме того, у неё очень насыщенная светская жизнь, которая крайне мало времени оставляет на жизнь семейную. Иными словами, я никогда по-настоящему не знал свою мать, а последние несколько лет мы пересекаемся исключительно на официальных мероприятиях. И сам не знаю, зачем сегодня приехал к ней.

Заметив меня, мама радостно восклицает:

— Мальчик мой! — Затем плавно поднимается из плетёного шезлонга. Густые тёмные волосы красивыми волнами обрамляют её лицо, удачно скрывая шрамы от недавней подтяжки. — Ты такой красивый… и взрослый! Господи, как быстро бежит время. В моём представлении ты еще пятилетний малыш с очаровательными кудряшками и глазами Бемби.

От такого сравнения хочется удавиться, но я выдавливаю улыбку и отвечаю на объятия.

— Я тоже рад тебя видеть. Как ты?

— Наслаждаюсь последними спокойными деньками. Боже… вся эта предвыборная гонка… сводит меня с ума! Не понимаю, зачем Джон ввязался во всё это?

В лучших театральных традициях она падает обратно на шезлонг и прикрывает ладонью глаза.

— Амбиции, власть, признание, желание вписать своё имя в историю, — подсказываю я.

— А разве недостаточно просто быть богатым и знамени-

тым?

Вот, пожалуй, главные идолы моей мамы. Как можно заметить, счастье в их число не входит. Очередное напоминание о том, что моя семья — не более чем фарс.

— Не знаю, спроси у него. — Я пожимаю плечами и присаживаюсь на соседний шезлонг, наблюдая, как мать вновь прикладывается к бокалу.

— Завтра мы вылетаем в Олбани, — с откровенной неприязнью сообщает она. — Там у отца встреча с избирателями. Но к четвергу вернёмся в Нью-Йорк на благотворительный ужин. Ты же придёшь?

Я не спешу с ответом. Во-первых, ненавижу подобные пафосные мероприятия, во-вторых, мне предстоит организовать открытие отеля и, возможно, заниматься его управлением первые недели работы. А в голове ни единой светлой мысли, с чего начать и как всё это провернуть, чтобы не облажаться. Не то чтобы я боюсь подвести отца, нет, прежде всего я не хочу разочаровываться в себе. Любой вызов я всегда воспринимаю очень ревностно и не успокаиваюсь, пока не докажу, что могу со всем справиться.

Поскольку молчание затягивается, мать тревожно вглядывается в моё лицо.

— Хейз, мы же семья, — её глаза увлажняются от нахлынувшей сентиментальности, — и должны поддерживать отца. Тем более сейчас, когда Уилл под домашним арестом. Мы обязаны показать: никакие временные трудности не спо-

собны нас сломить. Вместе мы преодолеем любые невзгоды! Именно так поступают Кингсли!

По мере того как мама говорит, она всё больше воодушевляется. От былой грусти не остаётся и следа. Теперь она напоминает самоотверженную жену, мать, готовую встать перед лицом всех недоброжелателей, крепко держась за руки мужа и сыновей. Готов поспорить, именно такая картинка сейчас захватила всё её воображение.

— Хорошо, мам. Я приду. Но ненадолго.

Её рука мягко ложится на мою ладонь, а на губах расцветает ласковая улыбка. Некоторое время она расспрашивает меня о коротком визите в Италию, затем переключается на последние сплетни о наших общих знакомых. Слушать о том, кто с кем поссорился, где засветился и в каком наряде, выше моих сил, поэтому я быстро сворачиваю разговор.

— Извини, мама, мне пора. Увидимся на вечере.

— Хейз, — окликает меня мать. — Ни секунды не сомневаюсь: нам отомстят за выходку Уилла. Прошу, будь осторожен.

Да, мама, я тоже в этом не сомневаюсь.

Я киваю и как можно быстрее покидаю террасу. На сегодня с меня достаточно общения с родственниками.

Шелби.

Ночь прошла изумительно. По сравнению с изуверским матрасом в пансионе моя прежняя кровать показалась воз-

душным облаком. Так что спала я крепко, а проснулась в довольно хорошем настроении. Умывшись, заглянула в шкаф, где всё ещё хранилась одежда, которую я носила до отъезда. Выбор пал на домашние хлопковые шорты и свободную футболку. Одевшись, я спустилась в столовую и обалдела прямо с порога.

О, здесь стоит сказать несколько слов о семейных завтраках! Утренние трапезы в резиденции Эллингтонов — особый ритуал. На накрахмаленную белоснежную скатерть ставят блюда. В изящной вазе посреди стола благоухают свежие цветы, поблёскивают серебром столовые приборы, из скрытых динамиков звучит классическая музыка. Сегодня — ноктюрны Шопена. Отец всегда спускается в столовую полностью готовым к новому дню: в рубашке, галстуке и деловом костюме. Устроившись за столом, он заправляет за ворот салфетку. Это выглядит ужасно глупо, более того, за семнадцать лет я ни разу не видела, чтобы хоть одна капля упала на ткань. И тем не менее салфетка — неотъемлемый атрибут каждого утра. Затем он степенно отпивает кофе и приступает к еде.

Но кое-что всё же изменилось за время моего отсутствия. Теперь в углу столовой по струнке стоит мужчина с блокнотом наготове. Он-то и привлёк моё внимание.

— Доброе утро, — кидаю я отцу и чуть тише интересуюсь, кивая в сторону незнакомца: — А это кто?

— Мой секретарь, — невозмутимо поясняет отец.

Ах, ну конечно! Секретарь Его Величества. Ведь за завтраком монаршую голову посещают самые гениальные мысли!

Я старательно игнорирую происходящий маразм и всецело сосредотачиваюсь на еде.

— Элизабет… — вновь подаёт голос глава семейства.

— Пап, прошу. Ты же знаешь, я ненавижу это имя. Пожалуйста, называй меня Шелби.

Вилка с ломтиком томата на пару мгновений зависает в воздухе, но затем отправляется в рот отца.

— Так вот, Элизабет, — пропустив просьбу мимо ушей, продолжает родитель, — почему ты проигнорировала мой совет касательно внешнего вида?

Глупо надеяться, что он внемлет моей просьбе. Для него голос дочери звучит не громче комариного писка. Я подавляю судорожный вздох и как можно спокойнее отвечаю:

— Вся одежда в моём шкафу рассчитана на девушку четырнадцати лет. С тех пор мода сильно изменилась, не говоря уже обо мне.

Я многозначительно смотрю на него до тех пор, пока на лице родителя не появляется понимание.

Папа недовольно поджимает губы и окликает своего секретаря:

— Шон, пришли какого-нибудь стилиста для Элизабет.

Мужчина в углу тут же строчит в блокноте заметку. Цирк, да и только!

— И ещё… Марко — твой личный охранник. Без него из дома ни ногой.

Нет, только не это! Но я проглатываю готовые сорваться слова возражения вместе с глотком горячего кофе. К счастью, мне хватает ума не вступать с отцом в перепалку. Но кое-что уточнить всё же стоит.

— Это из-за ситуации на улицах?

До сих пор перед глазами стоят кучкующиеся компании бродяг самой опасной наружности и заваленные шприцами тротуары.

— Не только.

Не отрывая взгляда от тарелки, отец продолжает поглощать свой завтрак и, похоже, пускаться в пространные объяснения своего решения не собирается.

— Из-за происшествия с Майклом? — делаю ещё одну попытку.

— Нападение, Элизабет, — излишне резко поясняет отец. — Это было спланированное и жестокое нападение. И тот, кто за этим стоит, понесёт самое суровое наказание.

С этими словами он бросает на тарелку столовые приборы, резко поднимается и выходит из-за стола. Я же озадаченно смотрю ему в спину, удивляясь столь бурной реакции.

По пальцам одной руки можно пересчитать случаи, когда я видела Николаса Эллингтона в таком взвинченном состоянии. Обычно он держит все эмоции под жёстким контролем, а потому внезапная вспышка немало удивляет. И наталки-

вает на кое-какие мысли. Похоже, проблема гораздо серьёзнее. Я мучительно соображаю, кто мог организовать нападение на Майкла, и прихожу к неутешительному выводу: да кто угодно!

Если составить список наших врагов, он получится длиннее экватора. Начиная со злопыхателей и конкурентов по бизнесу и заканчивая политическими оппонентами. Вот только, в отличие от меня, отец точно знает, кто за этим стоит. И совершенно точно у него есть план. Как бы то ни было, уверена, преступники понесут наказание. От мести моего отца не спрятаться и не скрыться даже в Антарктиде. Всё равно найдёт и покарает.

Хейз.

Во вторник состоялось знакомство с персоналом отеля. Всю среду и четверг я проторчал в кабинете Уилла, по уши зарывшись в бумаги и пытаясь вникнуть в текущие дела. Пришлось быстро восстанавливать в памяти всё, что нам преподавали на бизнес-курсах по корпоративному управлению. Однако этого всё равно оказалось недостаточно. В процессе я раз десять позвонил отцу с уточняющими вопросами, после чего его терпению пришёл конец. Проорав в трубку что-то про загруженность и встречи, он послал меня прямиком к помощникам, которых было целых трое. Так что этим бедолагам пришлось провести со мной в кабинете все выходные, терпеливо отвечая на вопросы. Зато к понедель-

нику я чувствовал себя более-менее уверенно и назначил общее совещание.

Ровно в восемь утра я захожу в свой временный кабинет. Тут же на столе появляется чёрный кофе без сахара.

— Доброе утро, мистер Кингсли, — приветствует меня Агнес — моя новая секретарь.

Ей почти пятьдесят, но она отлично выглядит и прекрасно исполняет свои обязанности. К сожалению, её предшественницу пришлось уволить после того, как она недвусмысленно провела ладошкой по моей ширинке. Ненавижу дешёвок, готовых раздвинуть ноги перед боссом. Кроме того, мне предстояло управлять отелем, а репутация избалованного сынка, трахающего своих секретарш, — совсем не то, что хотелось заслужить среди персонала.

— Все сотрудники уже на местах.

— Хорошо, Агнес. Отправь всем напоминание, что в девять в конференц-зале состоится совещание.

— Конечно, мистер Кингсли!

Как только секретарь скрывается за дверью, я плюхаюсь в кресло и беру в руки телефон. Звучит до нелепости смешно, но следующий час я провожу, общаясь с GPT-чатом. И весьма плодотворно. Мне удаётся выяснить ключевые моменты в организации светских мероприятий, так что на совещание я иду во всеоружии.

За столом сидят все ключевые сотрудники отеля. Я приветствую их и сразу перехожу к делу.

— Итак, я хочу до конца недели полностью спланировать мероприятие по случаю открытия. — Мой взгляд останавливается на девушке чуть старше меня, которая возглавляет PR-службу отеля. — Мисс Хадсон, пресс-релиз готов?

— Да, уже у вас на почте.

— Отлично, сегодня же дам вам обратную связь. Насчёт гостей… Не хочу тратить ресурсы на селебрити, пригласите побольше тревел-блогеров, бизнесменов, именитых адвокатов, политиков, агентов по организации вип-путешествий. Именно они — наша целевая аудитория.

— Но селебы обеспечат нам больше публикаций и, соответственно, больший охват, — возражает она и тут же предлагает компромисс: — Мы можем пригласить несколько человек из недавно опубликованного списка «Форбс». Самых богатых и рейтинговых. Среди них есть спортсмены, певицы, режиссёры, телеведущие. Все они довольно часто путешествуют, нелишним будет напомнить им о себе. Кроме того, это повысит их лояльность к сети «Кингсли».

Небеса, помогите мне! Я изо всех сил сохраняю умное выражение лица, хотя не понимаю и половины из того, что говорит собеседница. Рейтинги, охваты, пресс-релизы: всё это очень далеко от юриспруденции, с которой я решил связать свою профессиональную деятельность. А ещё это последнее, чем мне хочется сейчас заниматься. Вместо того чтобы отдыхать перед новым учебным годом, я как идиот торчу на совещании, изображая крутого управленца. Хотя чувствую

себя полнейшим дебилом.

Подавив удручённый вздох, я коротко киваю.

— Звучит разумно. Окей, мисс Хадсон, жду от вас список…

— …к завтрашнему утру, — понимающе улыбается она.

— Именно. Теперь насчёт фуршета. Мистер Ламонт, думаю, вы блестяще справитесь с этим, но мне бы хотелось согласовать меню в самое ближайшее время.

Питер Ламонт обладает исключительно запоминающейся внешностью. У него благородное лицо, густые волнистые волосы цвета снега и голубые глаза, не утратившие своей яркости и ясности с годами. Он всегда носит чёрное, а его врождённой грации позавидовал бы любой танцор из королевского балета. Но главное: он — один из лучших шеф-поваров Нью-Йорка, которого мы перекупили из известной ресторанной сети. Так совпало, что он достиг того возраста, когда хочется более спокойной работы, но без финансовых потерь, а мы готовы были платить.

— Разумеется, мистер Кингсли, — с лёгкой улыбкой кивает Ламонт. — К вечеру мы с командой проработаем вариант меню и подберём к нему напитки.

Я перевожу внимание на метрдотеля. В отличие от прочих, Итан Волкер мне не понравился с первого взгляда. Было в нём нечто настолько мерзкое и фальшивое, что меня каждый раз передёргивало.

— Надеюсь, проблем с обслуживающим персоналом не

возникнет? На всякий случай, мистер Волкер, проведите инструктаж.

— Вам не о чем беспокоиться, мистер Кингсли. Мои горничные точно знают своё дело. — Мужчина почтительно склоняет голову и расплывается в льстивой улыбке. — Но я прислушаюсь к вашему совету. Как следует погоняю их перед приёмом.

— Это не совет, мистер Волкер, а требование.

Мерзкий тип кланяется ещё ниже, вызывая во мне приступ отвращения, и я спешу отвернуться.

Далее следует уточнить насчёт развлечений. Однако к этому моменту запас знаний в моей голове иссяк. Я понятия не имею, как веселить гостей и кто должен за это отвечать. Поэтому решаю пойти на маленькую хитрость и обращаюсь к присутствующим:

— У вас есть предложения касательно шоу-программы?

К счастью, на выручку приходит мисс Хадсон.

— Я голосую за гимнастов из «Дю Солей», видела их представление, и оно потрясающее!

Затем она что-то говорит про ледяные скульптуры, огромный торт и красную ленточку, балерин и карликов, фейерверк и световое шоу, а также про фокусников и астролога — и на всё получает моё «да». Уж лучше перестараться, чем дать нашим гостям заскучать.

И последнее, оно же самое важное. Согласно финансовым отчётам, на отель уже ушла космическая сумма, и вскоре

нам предстоит её отбивать. Я перевожу взгляд на женщину с латиноамериканской внешности, мучительно вспоминая её фамилию.

— Мисс Эрнандес, — тактично подсказывает она.

— Да, спасибо, что напомнили. У нас есть запросы по бронированию?

Начальница службы бронирования виновато разводит руками.

— Нет, мистер Кингсли. Пока отель не значится в базах отельных агрегаторов, о нас никто не знает.

— Понял, будем надеяться, после публикации пресс-релиза ситуация изменится. Мисс Хадсон, проконтролируйте, чтобы отель как можно быстрее попал во все базы. Отправная дата для заселения… — Я прикидываю, хватит ли клинингу суток, чтобы избавиться от последствий вечеринки, и прихожу к выводу, что вполне. — …шестнадцатое июля.

PR-директор деловито кивает и делает пометку в планшете.

— Благодарю всех за плодотворную встречу. Можете возвращаться к работе.

Краем глаза замечаю, как при этом кривится лицо Волкера, и невольно хмурюсь. Как только за последним участником закрывается дверь, звоню в службу охраны и прошу отслеживать каждый шаг метрдотеля. Интуиция редко меня подводит, а в случае с Волкером она буквально верещит: грядут проблемы!

Шелби.

Отведённая неделя прошла спокойно. Каждый день я навещала Майкла. Он шёл на поправку не так быстро, как рассчитывал. Тем не менее день ото дня брат выглядел всё лучше. Пару раз я помучила его чтением вслух. Выбор пал на книгу «Цветы для Элджернона». Майкл терпеть не мог литературу в любом её проявлении, я же не могла упустить шанс воспользоваться его беспомощным положением и как следует подразнить. Но как-то в разгар чтения придурок додумался выдернуть датчик сердцебиения. Услышав пронзительный писк, я чуть не поседела от страха. А в это время Майкл изображал бездыханный труп. Примчавшаяся медсестра чуть сама не придушила симулянта, когда поняла, что с ним всё в порядке. С тех пор с чтением было покончено.

Довольно часто мы созванивались со Стефанией. Подругу тоже держали на коротком поводке, практически не выпуская за пределы виллы. Правда, её заключение выглядело скорее как отдых на пятизвёздочном курорте. Целыми днями она валялась на шезлонге или плавала в бассейне, любуясь лазурными водами Средиземного моря. Разглядывая её фото, я лишь протяжно вздыхала. А затем надевала поводок на Эрни и вела его на прогулку (разумеется, под неусыпным надзором Марко). Хоть пляжи Лонг-Айленда мало напоминали критские, мы всё равно отлично проводили время, провожая океанские закаты.

С отцом мы пересекались лишь во время завтраков. Весь день я была предоставлена самой себе и в основном занималась изучением аккаунтов своих бывших подруг и приятелей. Ну что сказать… С момента нашего последнего общения стиль их жизни не сильно изменился. Странички в соцсетях изобиловали снимками с вечеринок, фотографиями шмоток и украшений, чек-инами в самых пафосных заведениях Нью-Йорка. Просматривая всё это, я лишь диву давалась: неужели когда-то я тоже считала это самым важным?

«Да», — ответила я самой себе.

Если с младенчества вращаешься в золотой тусовке, ты просто иного не знаешь. А потому поклоняешься тем же идолам, что и окружение. Но теперь мне удалось взглянуть на бывших друзей иными глазами. Я видела лишь фальшь: красивыми снимками они пытались скрыть всю безмерную пустоту и никчёмность своих жизней. Неприятно в этом признаваться, но в каком-то смысле отец оказался прав, упрятав меня в пансион. Оказавшись вдали от привычного окружения, я избавилась от пагубных привычек и ни за что к ним не вернусь. Нет, нет и ещё раз нет! Не для этого я приехала домой. И если до сего момента ещё были сомнения, то после просмотра фотографий я приняла решение закрыть все свои прежние аккаунты и завести новый. Больше нет избалованной и надменной стервы Бесси Эллингтон, на её место пришла скромная и никому неизвестная Элли-Шелли.

Выбор нового никнейма неслучаен. Во-первых, никто

кроме брата о нем не знает, а значит не догадается, кто скрывается под ним. Во-вторых, это своеобразное напоминание об истинном положении вещей. Ведь, если подумать, я ничего из себя не представляю, полностью завишу от денег отца и его воли. И больше всего на свете хочу стать хозяйкой своей жизни. Принимать самостоятельные решения и добиться большего, чем просто быть богатой наследницей Эллингтон. Надеюсь, новый никнейм будет напоминать мне об истинных целях и не позволит свернуть на более лёгкий путь.

Невзирая на то, что я развлекала себя как могла, под конец недели готова была выть от скуки. Но всё изменилось после знакомства со стилистом! Когда Оскар заявился в особняк, моя челюсть пробила фундамент. Представьте, на нём были чёрно-серебристый костюм, розовая футболка и армейские ботинки, а волосы выкрашены в благородный седой цвет и уложены так, словно его кудри сдуло в сторону сильнейшим ветром.

— Видела бы ты своё лицо, — рассмеялся он и представился: — Оскар Блум — твой личный имиджмейкер.

— На тебе розовая футболка.

— Не розовая, а лососевая, — обиженно поправил он.

Но в итоге мы прекрасно поладили. Скажу больше, этот человек обладал непревзойдённым чувством юмора. Я хохотала над его шутками до нервной икоты. Благодаря лёгкому нраву Оскара наши набеги на магазины проходили максимально весело и плодотворно. Во всех бутиках его встречали

с распростёртыми объятиями и сразу же выкатывали рейлы с самыми последними дизайнерскими коллекциями.

Итогом сотрудничества стала гардеробная комната, битком набитая нарядами на все случаи жизни. И мне не терпелось их выгулять!

Поэтому сегодняшним утром за традиционным завтраком я решаюсь обратиться к отцу:

— Я уже освоилась. И у меня достаточно подобающих нарядов. Нет только повода их надеть.

— Хочешь выйти в свет? — Отец задумчиво барабанит пальцами по столу и наконец выдаёт: — Хорошо, сегодня предстоит благотворительный ужин, пойдёшь со мной. Только… не разочаруй.

Невероятно обрадованная согласием, я тут же звоню Оскару и умоляю помочь мне собраться. Мигом смекнув что к чему, он появляется в особняке спустя час, прихватив с собой парикмахера и визажиста.

Первым делом Оскар выуживает из гардероба платья, наиболее подходящие статусу мероприятия, и развешивает их передо мной.

«Не злить папочку… не злить папочку…» — как мантру повторяю себе под нос, разглядывая наряды — один скучнее другого. В итоге мы сходимся на платье цвета карамели. Длина до пола вполне компенсируется открытым декольте. А вот с туфлями возникает заминка. Все мои попытки изящно пройтись на шпильках с треском проваливаются. Наблю-

дая за моими жалкими потугами, Оскар хохочет в голос. И в конце концов иронично уточняет:

— Звезда моя, как ты дожила до семнадцати лет без каблуков?

— Когда-то я могла пробежать кросс на шпильках, — вздыхаю я. — Вот только последние три года томилась в монастыре за плохое поведение. А там все ходили в одинаковых уродливых эспадрильях.

— О, это многое объясняет. — Его брови многозначительно подскакивают вверх. — Ладно, кажется, я знаю, как решить нашу проблему.

Он извлекает из гардероба бежевые лодочки на небольшом каблуке. Надо же, я совсем про них забыла! Обувка оказывается достаточно удобной, но ужасно скользкой. Однако я не сдаюсь, снова и снова обхожу комнату. И всё это под колкие комментарии стилиста.

— Рада, что тебе весело, — ворчу я, награждая собеседника недовольным взглядом, — имей в виду: если я навернусь на какой-нибудь лестнице, виноват будешь ты!

И на это у Оскара находится решение. С самым заговорщицким видом он наклеивает по пластырю на подошву каждой туфли и возвращает мне лодочки.

— Ты просто гений!

Оскар самодовольно усмехается и подмигивает:

— Повторяй это почаще, крошка, желательно в присутствии отца.

Когда с нарядом покончено, мне завивают волосы, собирают крупные локоны на макушке в изящную причёску и наносят неброский макияж. Получается очень стильно и мило. Этакая юная и невинная дева на выданье (ха-ха-ха!). И хотя этот образ в корне отличается от тех, которые я использовала в четырнадцать лет, мне ужасно нравится.

***

К вечеру моё нетерпение, как и нервозность, достигает предела. Ровно в пять мы садимся с отцом в машину. Марко везёт нас до Рокфеллер-центра, где будет проходить мероприятие. Всю дорогу я до боли сжимаю клатч, чтобы никто не заметил, как подрагивают мои пальцы. Когда джип останавливается напротив высокого здания, я бросаю тревожный взгляд в окно и чувствую подступающую панику. Всё выглядит очень торжественно и пафосно. К центральным дверям ведёт красная ковровая дорожка, по обе стороны от неё тянутся столбики с ленточными ограждениями. За ними толпятся репортёры, держа свои камеры наготове. Стоит нам выйти из машины, как со всех сторон нас ослепляют яркие вспышки.

Отец заботливо подставляет мне локоть, за что я ему безумно благодарна. Страх растянуться на ковровой дорожке перед десятками объективов, а через час увидеть свой конфуз в новостных лентах не отпускает. Я осторожно ступаю по ковру, чувствуя дрожь в коленях. Однако с каждым

шагом нервозность отступает: пластыри на подошвах туфель работают! Мои плечи мгновенно распрямляются, а подбородок взмывает вверх. Отец идёт рядом, напрочь игнорируя вопросы журналистов. Но всё меняется, как только кто-то громко восклицает:

— Мистер Эллингтон, кто ваша спутница? Не слишком ли она молода для вас?!

После ехидной реплики отец резко останавливается, разворачивая корпус к говорящей. Перед нами стоит молодая журналистка и противненько улыбается, очевидно, уже предвкушая скандальную сенсацию. Ещё бы! Начинающего политикана застукали с малолеткой! Да за такое любой таблоид ухватится мёртвой хваткой. Вот только она не учла одного: плавники, зубы и оскал Николаса Эллингтона будут покруче, чем у всех собравшихся акул пера. Окинув журналистку укоризненным взглядом, папа надменно чеканит:

— Моя дочь Элизабет Эллингтон. А вам, юная леди, не помешало бы вспомнить о профессиональной этике. Если вы, конечно, хотите продолжить карьеру журналиста.

Девушка стремительно меняется в лице и, кажется, готова провалиться сквозь землю от стыда. Я же едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Но вместо этого позволяю себе лишь скромную улыбку. Затем мы с отцом наконец-то добираемся до дверей и ныряем в безопасную тишину вестибюля. Фухххх… А ведь это только начало!

Вскоре мы входим в просторный, ярко освещённый зал. С

потолка свисают несколько хрустальных люстр, от их подвесок по стенам расходятся сверкающие брызги. По периметру расставлены круглые столы, пышно украшенные цветами и свечами. Окружающая обстановка буквально кричит о роскоши, как и внешний вид присутствующих. Разряженные и увешанные украшениями дамы и их похожие на пингвинов спутники курсируют по огромному помещению, то и дело останавливаясь, чтобы приветствовать друг друга и перекинуться парой-тройкой слов. Оркестр на сцене играет спокойную джазовую мелодию, которая плывёт лёгкой, приятной волной.

Благотворительный вечер семьи Вандербильт — привилегированное и крайне закрытое мероприятие, куда мечтают попасть многие, но допускается лишь очень узкий круг людей. Разумеется, семья Эллингтонов входит в их число. И хотя всё происходит довольно степенно и предсказуемо, меня переполняет восторг. Шутка ли, первое светское мероприятие за три года! Пока отец не видит, я втихаря выдуваю два бокала шампанского. После этого вечер и вовсе перестаёт быть скучным. Меня знакомят с невероятным количеством людей. Одни лица сменяются другими. В этой круговерти я даже не пытаюсь их запомнить, не говоря уже об именах, что не мешает мне весело и непринуждённо общаться. Но вот одна персона всё же привлекает моё внимание: рыжая девица, окатившая меня презрением при знакомстве. Стоило встретиться с её злющими зелёными глазами, как внутри

царапнуло беспокойство.

Пока отец беседует с очередным знакомым, я отхожу в сторонку, пристально наблюдая за рыжей. Что-то в её лице кажется мне знакомым, мы определённо общались… Но где? Словно почувствовав мой взгляд, девица оборачивается и смотрит прямо на меня. Затем неспешно отходит от спутника и направляется в мою сторону. Даже на расстоянии я чувствую исходящие от неё волны презрения и ненависти. Всё интереснее и интереснее.

— Надеюсь, последние несколько лет ты провела в колонии для несовершеннолетних, — мстительно выплёвывает она, поравнявшись со мной.

Точно знакомы! Слегка опешив от такого приветствия, я вглядываюсь в её лицо, мучительно соображая, кто передо мной.

— Бриана Монтгомери, — высокомерно напоминает собеседница, а я пытаюсь справиться с шоком.

— Плесень Бри?! Ничего себе, ты так сильно изменилась!

В памяти тотчас всплывает прыщавая толстушка с брекетами, над которой мы измывались всю среднюю школу. И стоящая передо мной красотка ничем не напоминает ту нелепую одноклассницу. При упоминании своего прежнего прозвища Бри злобно шипит, буквально расчленяя меня взглядом.

— Да как ты смеешь?! Никогда не упоминай это прозвище! Иначе пожалеешь!

После этого Бри резко разворачивается, хлестнув меня по лицу своей рыжей гривой, и царственно удаляется. Вот так, в первый же выход в свет я умудрилась нажить врага. Но самое паршивое — меня охватывает мучительный стыд. Ведь я и правда была с Брианой непозволительно жестока. Хорошее настроение и лёгкость тают под тяжестью неприятных воспоминаний. И как теперь всё исправить? Я скольжу по гостям рассеянным взглядом, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, как вдруг…

— Шелби? — неожиданно доносится из-за спины.

От этого низкого хрипловатого голоса мои плечи покрываются ледяными мурашками. Ведь он мог принадлежать только одному человеку…

Глава 3.

Шелби.

— Хейз! — резко обернувшись, вскрикиваю я.

Его внезапное появление буквально парализует. Я смотрю на выразительное смуглое лицо, копну тёмных волос, поджарое тело, упакованное в идеальный чёрный смокинг, и не верю своим глазам. Меньше всего на свете я ожидала увидеть здесь его… В голове миллион вопросов и предположений, но ни одно из них не объясняет главного: как мой итальянский знакомый оказался на званом вечере Вандербильтов? Здесь не бывает случайных или посторонних. Кроме того, уверенность, с какой он держится, и безупречный внешний вид доказывают: так или иначе Хейз связан с высшим обществом Нью-Йорка.

Очевидно, его мучают похожие вопросы.

— Надо же, какая встреча! — почти угрожающе рычит он, сверля меня тёмными глазами. — Что ты здесь делаешь?

Когда наши взгляды встречаются, кажется, вокруг раздаются взрывы. Мою кожу покалывает от страха, но я тут же напоминаю себе, что ничего плохого не сделала. Подумаешь, ушла по-английски, разве это преступление?

— Могу задать тебе тот же вопрос, — с лёгким вызовом отвечаю я.

— Я спросил первым.

— Хм… Пришла с отцом.

В то же мгновение всё внимание Хейза переключается на гостей. Но, держу пари, он ни за что не догадается, КТО мой отец. Видимо, тоже осознав всю тщетность усилий, он вновь смотрит на меня. Под этим пытливым, острым взглядом я чувствую себя бабочкой: парализованной и пришпиленной булавкой для дальнейшего изучения.

— Ты же не преследуешь меня, Шелби? — склонив голову набок, интересуется Хейз. — Надеюсь, это не так. Ведь в противном случае мне придётся позвать охрану и выставить тебя прочь.

«Он запомнил моё имя!» — первая мысль, которая приходит мне в голову. Но за ней сразу прилетает вторая: *«Да как он смеет!»*

Стряхнув оцепенение, я гордо выпрямляю спину и как можно спокойнее замечаю:

— У тебя определённо мания преследования… или величия, Хейз. Но спешу тебя огорчить: моё присутствие на вечере никак с тобой не связано. Более того, я не планировала продолжать наше общение.

Слова мгновенно достигают цели! Лицо Хейза каменеет, словно я влепила ему пощёчину.

— Потанцуем? — сквозь зубы цедит он и, не дожидаясь согласия, хватает меня под локоть.

Я пытаюсь сопротивляться, но с тем же успехом можно остановить бронированный поезд.

— Псих ненормальный, какого чёрта ты творишь?! — гневно шепчу я.

Вместо ответа он нагло ухмыляется и усиливает хват. Стоящие рядом люди наблюдают за нами с нескрываемым любопытством, но, похоже, моего спутника ничуть не смущает столь пристальное внимание. Ловко лавируя меж гостей, Хейз выводит меня на площадку подле сцены и крепко прижимает к себе. Мои щёки пылают от гнева, но я стараюсь контролировать выражение лица. Ведь скандал — последнее, что мне сейчас нужно.

Однако едва наши тела начинают двигаться, как весь гнев улетучивается, и единственное, о чем я сейчас могу думать – о крепких руках, которые уверенно ведут меня в танце. Я слишком остро реагирую на близость Хейза. На это поджарое тело, широкую грудь и бесподобное лицо, которое склоняется над моим, почти касаясь. Теплое дыхание щекочет кожу, вызывая флэш-беки поцелуя. И пусть мы целовались лишь раз, вне сомнений, тот поцелуй был лучшим в моей жизни. Внезапно хлынувшие воспоминания обескураживают, заставляют иначе взглянуть на этого парня. До сего момента я думала, он всего лишь мимолетный знакомый, и мы больше никогда не встретимся, но его присутствие на вечере все меняет. Осознав это, я чувствую, как сердце наполняется радостным волнением и… надеждой! Как знать, возможно, наше непредвиденное знакомство может перетечь в многообещающую и головокружительную лавстори. Но для начала

стоит извиниться.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я выпаливаю:

— Хейз, извини, что исчезла…

Я старательно избегаю его испытующего взгляда, рассматривая чёрную бабочку на белоснежном воротнике рубашки.

— У меня выдались тяжёлые дни. Более того, мне предстояло скорейшее возвращение в Америку, и я подумала, что лучше всё закончить там, в парке.

Его тело ощутимо напрягается, но лишь на мгновение.

— Ошибочное решение. Кто-то будет наказан, — звучит над ухом приглушённый голос, отчего по моей шее пробегают мурашки.

Осмелившись, я смотрю ему в глаза и забываю, как дышать. Почти чёрная, непроницаемая радужка затягивает, словно бездна. Совсем как тогда, на аттракционе, под кромкой облаков.

В голове тут же возникает несколько вариантов «наказания» и от каждого по телу разливается восхитительная слабость. Ощущения лишь усиливаются, когда Хейз принимается дразняще поглаживать меня по спине. Даже сквозь тонкую ткань платья я чувствую исходящий от его ладони жар. Наши движения становятся плавными, тягучими, как если бы мы танцевали в теплых океанских водах, и солёные волны облизывали наши тела, придвигая еще ближе. Мы продолжаем танцевать, не сводя друг с друга глаз, и все исчезает: зал, прочие гости, кажется, мы остались совершенно одни.

Наваждение какое-то… почему Хейз так действует на меня? Стоит ему оказаться рядом, как я теряю контроль, целиком попадая в его власть. Его голова склоняется ниже, и когда между нашими губами остается пара дюймов, я с силой зажмуриваю веки и отворачиваюсь.

Это срабатывает: дымка в голове рассеивается, я вновь слышу музыку, вижу зал и людей в нём. Однако на смену дурману приходит беспокойство. Затылок печёт от чьего-то сверлящего взгляда. В поисках его источника я верчу головой и замечаю незнакомого мужчину. Он стоит у ближайшего столика и напряжённо наблюдает за нами. Но он не единственный, кому не по душе наш танец. Стоит чуть повернуть голову, как я тут же натыкаюсь на взбешённое лицо отца. На побелевших щеках ходят желваки, губы сжаты, в глазах отчётливо мелькают молнии. Совершенно не понимая причин, я рассеянно смотрю на Хейза. Он тоже заметил излишне пристальное внимание этих двоих, и, судя по реакции, оно его тоже не обрадовало. С каждой секундой морщинка меж его бровей становится всё глубже. Как только заканчивается песня, он спешно уводит меня с танцпола.

— Пойдём, хочу представить тебя своему отцу, — кидает Хейз и кивком указывает на того самого незнакомого мужчину.

В отличие от Хейза, у него светлые волосы, подстриженные и уложенные на классический манер с боковым пробором, и голубые глаза. Я недоумённо разглядываю мужчину,

пытаясь отыскать хоть малейшее сходство. Но тщетно. Они абсолютно разные! Хейз уверенно ведёт меня вперёд, но замирает, как только до нас доносится властный голос моего отца.

— Элизабет, подойди ко мне.

Краем глаза отмечаю, как Хейз с силой стискивает челюсти. Его дыхание заметно тяжелеет. Он медленно поворачивает ко мне голову. В этот момент в его внешности проявляется нечто настолько дикое и опасное, что мне становится не по себе. Под смокингом отчётливо вздуваются мышцы, а чёрный взгляд полыхает испепеляющей яростью.

— Так значит, Элизабет? И что тебя связывает с Николасом Эллингтоном?

Я совершенно не понимаю, чем вызваны столь резкие перемены в его настроении. Казалось бы, мы только-только сгладили все углы, оставшиеся после моего вероломного побега. Но нет. Сейчас Хейз смотрит на меня как на врага и, кажется, не прочь свернуть мне шею.

Нервно сглотнув, я всё же решаю ответить:

— Он — мой отец.

Стоит это произнести, как между нами в одно мгновение вырастает ледяная стена отчуждения. И я физически ощущаю исходящий от неё арктический холод. Как и от Хейза.

— Можешь объяснить, что происходит? — растерянно лепечу я.

— Тебе лучше пойти к отцу, — ядовито цедит Хейз и рез-

ко отшатывается от меня, кидая через плечо: — Уверен, он даст исчерпывающие объяснения.

На ватных ногах я приближаюсь к отцу. Нарочито непринуждённо он берёт мою руку и кладёт себе на локоть. Со стороны всё выглядит довольно естественно. И только я ощущаю стальную хватку его пальцев. Он подходит к столику, где стоят карточки с нашими именами, и отодвигает стул, помогая мне присесть. Затем молча устраивается рядом. Повисшее в воздухе напряжение напоминает готовые вот-вот лопнуть струны. Я с опаской наблюдаю за мрачным лицом родителя, гадая, что могло так разозлить его.

— Я просил только об одном: не разочаровывать меня, — глухо, но жёстко замечает он, глядя куда-то в сторону. — Знаешь, с кем ты только что танцевала?

— Нет.

Мимолётный отцовский взгляд, полный неодобрения и укора, скользит по моему лицу и вновь устремляется в сторону.

— Это Винсент Кингсли, родной брат того урода, который чуть не убил Майкла.

Винсент Кингсли… Брат урода… Убил Майкла… Слова скачут в голове взбесившимся тетрисом и далеко не сразу складываются в логическую цепочку. Но как только это происходит, из лёгких тотчас исчезает весь воздух, сердце стучит быстро и глухо, точно я целиком ушла под воду. Я судорожно цепляюсь пальцами за край стола, только чтобы окон-

чательно не утонуть в захлестнувших эмоциях. Осознание того, что семья Кингсли причастна к состоянию моего брата, отзывается гневом и одновременно отчаянием. Но в ещё больший ужас меня повергает известие, что Хейз — один из них. Боже, пожалуйста, пусть это будет неправдой! Ну почему, почему именно он? Я не готова записывать Хейза во враги, не готова видеть в его глазах ненависть, не готова обрывать общение с ним.

Но теперь, когда все карты открыты и мы оба знаем, к каким семьям принадлежим, похоже, иного выбора не остаётся.

Кингсли… Эту фамилию я слышала с детства. И каждый раз при её упоминании отца охватывала ярость. Вражда наших семей началась ещё до моего рождения и длилась уже не одно десятилетие. Я не знала ни о причинах, ни о событиях, предшествовавших её началу. Но одно знала наверняка: загадочный Хейз исчез, вместо него появился Винсент Кингсли — сын заклятого врага.

Хейз.

Элизабет Эллингтон!

Чёрт возьми! Как это вообще возможно?!

Сразу же после треклятого танца я отхожу в другой конец зала и прошу официанта принести виски со льдом. Как только напиток оказывается у меня в руках, делаю жадный глоток и на секунду прикрываю глаза, стараясь утихомирить ки-

пящие эмоции. Только вот ни черта не помогает. По ощущениям я вот-вот взорвусь, как пороховая бочка. Мой взгляд, словно намагниченный, снова и снова возвращается к столу, за которым сидят Эллингтоны.

Вполне очевидно: всё происходящее — очередная диверсия против моей семьи. Готов поспорить, папаша Эллингтон всё спланировал заранее: каким-то образом пронюхал о моём отпуске в Италии, подослал ко мне свою дочь. Уверен, и сегодняшняя встреча подстроена им. Интересно, чего он добивается? Хочет подложить её под меня и спровоцировать скандал? Да, скорее всего, именно на это он и рассчитывает.

Теперь наше «случайное» знакомство в Италии предстаёт в совершенно ином свете. А бродяжка не промах, гениально исполнила свою роль. Представилась чужим именем, придумала трогательную историю про ненормальную подругу и полицию, а после ловко провернула подмену телефона, чтобы выманить меня из номера. И её панический страх высоты, который я гасил поцелуем, — не более чем продуманная манипуляция. Она точно знала, на какие чувства давить, чтобы разжалобить меня и усыпить бдительность. Даже сейчас она продолжает изображать деву в беде. Сидит напряжённая и потерянная, не ест, не пьёт, в беседах с соседями по столу не участвует. Время от времени я замечаю её печальный взгляд, полный растерянности и… сожаления? Мои кулаки непроизвольно сжимаются.

Лживая маленькая сучка.

Всё враньё от начала до конца!

Сейчас, глядя на Шелби, я испытываю лишь отвращение. Мне до ужаса хочется сомкнуть пальцы на её тонкой шее и сжимать, пока она не расскажет всю правду. Как выследила меня в Италии? Зачем разыгрывала роль бродяжки? Какие цели преследовала?

Благотворительный аукцион проходит мимо меня. Я не слышу ни голоса ведущего, ни ставок гостей, не вникаю в то, какие лоты выставлены на продажу. Все мысли крутятся вокруг бродяжки и её семьи. Ненавижу! Это самые отвратительные, алчные, мстительные и недостойные люди! А глава семейства — самый отъявленный мерзавец на земле. Долгие годы он отравляет жизнь моему отцу, всеми силами стараясь разрушить его бизнес и репутацию. Теперь же взялся за моего брата. Ведь в том клубе Уильям умудрился надрать задницу наследнику Эллингтонов. Слабо тянет на совпадение, не так ли? Всё указывает на то, что Николас не успокоится, пока не втянет в свои грязные игры всех нас.

Чем дольше я думаю об этом, тем твёрже убеждаюсь, что не желаю участвовать в войнушке двух семей. Чёрта с два я позволю собой манипулировать! Что бы там ни задумал папаша Эллингтон, его ждёт облом.

Я больше не куплюсь на это милое личико и образ невинного ангела. А если Шелби Эллингтон продолжит докучать мне, я стану её личным кошмаром. Изматывающим. Невыносимым. Реальным. Я сделаю так, чтобы каждый раз, слы-

ша моё имя, она вздрагивала. А при виде меня бежала куда глаза глядят. При каждой встрече я буду изводить мерзавку и издеваться над ней до тех пор, пока она не оставит попыток добраться до меня и моей семьи.

Хотят поиграть? Пусть так. Посмотрим, кто выйдет из этой партии победителем.

Шелби.

Сегодня я — абсолютный победитель в номинации «Рассеянность года». Чем бы я ни занималась, всё валится из рук. А всё потому, что в голове на репите крутится вчерашний инцидент.

Честно, я пыталась вызвать в душе ненависть к Хейзу (точнее, *Винсенту*), но тщетно. Против этого восставали моя интуиция и логика. Если бы парень был мерзавцем, избалованным богатеньким Ричи, каким пытался выставить его мой отец, то не стал бы помогать мне в Италии. Возможно, я идеализировала Хейза, по сути, совершенно незнакомого человека. Но, возможно, и нет. Мне хотелось составить собственное мнение о нём, а уже после делать выводы.

Вместе с Эрни мы заваливаемся на кровать. Одной рукой я поглаживаю его за ухом, а второй печатаю в строке поиска запрос «*Винсент Кингсли*». Гугл тут же выдаёт длиннющий список сайтов. Что неудивительно, учитывая положение парня в обществе. Я кликаю на первый попавшийся результат. Открывшаяся страница ошарашивает неожиданной

информацией. Оказывается, полное имя парня — Винсент *Хейз* Кингсли! Любопытненько… Выходит, при знакомстве он тоже представился своим вторым именем. Хотел сохранить инкогнито? Или, так же как и я, не слишком жалует своё первое имя? Ладно, как бы то ни было, для начала стоит разузнать о нём побольше.

Итак, Винсент Хейз Кингсли старше меня на четыре года. В прошлом декабре ему исполнился двадцать один год. Так-так…

«…младший наследник отельной империи Кингсли увлекается конным спортом, игрой в гольф, плаванием. Окончил небезызвестную Дуайт-скул на Манхэттене, далее был зачислен в Гарвардскую юридическую школу».

Ничего себе! Красивый, богатый, да ещё и умный!

Большой куш для охотниц. Представляю, сколько девчонок вьётся вокруг Хейза, желая заполучить столь породистый, роскошный экземпляр. Но я отвлеклась. Читаем дальше.

«Мать: Жаклин Арно, итальянская актриса кино и телевидения, певица, модель, обладательница многочисленных кинематографических наград».

С фото на меня смотрит невероятной красоты женщина, и сразу становится ясно, от кого Хейз унаследовал столь горячую внешность. Тёмные волнистые волосы обрамляют лицо с точёными, выразительными чертами, в которых безошибочно угадывается жгучая итальянская кровь. Готова по-

спорить, характер миссис Кингсли под стать внешности — взрывоопасный. Должно быть, жизнь с ней напоминает вулкан: никогда не знаешь, когда рванёт. Я перевожу внимание на стоящего рядом с ней мужчину и мгновенно узнаю его. Именно его я видела на благотворительном вечере. Так что сомнений нет: это мистер Кингсли. А дальше… мне становится откровенно паршиво. Жадно глотая строчки, я чувствую, как с каждым битом новой информации моё сердце колотится всё сильнее.

«Бизнесмен Джон Кингсли поборется за место в Сенате США от штата Нью-Йорк как кандидат Демократической партии. Согласно последним опросам, он занимает третье место по уровню поддержки, уступая Николасу Эллингтону и Ирвину Фоксу».

С протяжным стоном я откидываюсь на кровать. Господи Иисусе! Непримиримые враги, а теперь и политические конкуренты… Ещё одна причина для ненависти между нашими семьями. Теперь понятно, почему вчера наши отцы буквально испепеляли друг друга взглядами, а заодно и нас с Хейзом. Вот уж ирония: главы семейств готовы биться насмерть как в жизни, так и на политической арене, а их ничего не подозревающие отпрыски кружат в танце. Ах да, ещё и целуются. От этих воспоминаний меня охватывает уже знакомое волнение. Все пережитые с Хейзом эмоции проносятся в голове сумасшедшим вихрем. И я ловлю себя на мысли, что не прочь ещё раз их испытать. Но тут же до боли сжимаю

кулаки, приказывая своим чувствам и желаниям заткнуться. *Ведь у этой истории нет шансов на счастливый конец.*

Далее я пытаюсь найти хоть какую-нибудь информацию, способную пролить свет на причины вражды между нашими отцами. Но все пишут только об одном: эти двое на дух друг друга не переносят. И ни единого намёка на предысторию. В полнейшем отчаянии я прижимаюсь к Эрни и рассказываю ему обо всех своих тревогах. На мою удачу, он — отличный слушатель.

В разгар моей жалостливой речи телефон разражается громким звуком. Звонить мне могут всего три человека: Стеф, брат или, что менее вероятно, отец. Как оказалось, я кое-кого не учла.

— Детка, это успех! — слышится восторженный вопль моего стилиста.

— Привет, Оскар! Ты о чём?

— Только не говори, что не видела публикации, — возмущается он и торопливо добавляет: — Сейчас перешлю тебе ссылки. Мне звонят с самого утра, всем не терпится разузнать о дочери Николаса Эллингтона. Твоё внезапное появление стало настоящей информационной бомбой! Дорогая, обещаю: вскоре ты станешь знаменитей своего отца!

— Так себе перспектива, — скептически хмыкаю я.

— Послушай, нельзя упускать такую возможность, — не сдаётся собеседник. — Пока тобой интересуется пресса, надо использовать это себе во благо.

— Не очень понимаю, какая может быть от этого польза.

— Во-первых, твоя популярность положительно отразится на рейтингах отца. Во-вторых, на этом можно заработать неплохие деньги. У тебя же есть аккаунты в соцсетях? Только представь: реклама одежды, ресторанов, косметики… да чего угодно! Как только светская хроника запестрит твоим лицом, от предложений не будет отбоя.

А вот это уже интересно! Немного финансовой независимости мне точно не помешает.

— Продолжай.

— В-третьих, стоит озаботиться твоей репутацией. Мне не терпится представить публике новую версию наследницы Эллингтон: стильную, утончённую и серьёзную. Пора возвращаться, детка!

— Оскар, мне кажется, ты выбрал не ту профессию. Тебе бы заняться пиаром.

— Как раз ту! — хохочет он. — Я не просто работаю со стилем в одежде, а создаю публичный имидж клиентов. Можно сказать, помогаю им стать яркими, запоминающимися личностями. А ты личность, Шелби, не сомневайся! Уверяю, ты станешь моим самым грандиозным проектом. Но для начала… нам стоит ещё больше подогреть интерес прессы. Пара крутых вечеринок — и ажиотаж вокруг тебя взлетит до небес.

— О нет, — выдыхаю я со стоном, — я сто лет не была на вечеринках. Не уверена, что мне это по силам. И потом, со-

мневаюсь, что подобные развлечения пойдут на пользу моей репутации и уж тем более репутации моего отца. Он метит в сенаторы, и разгульная дочь — совсем не то, что ему сейчас нужно.

— Не переживай, я стану твоим личным проводником в этом зверинце. Только самые престижные и официальные мероприятия с чётким дресс-кодом, серьёзной публикой и аккредитованной прессой. Никаких сомнительных или компрометирующих компаний.

Да, Оскар умеет быть убедительным.

— Всё согласно твоему статусу. – добавляет он.

Признаться, он говорит разумные вещи, но внутренний раздрай мешает сосредоточиться и принять взвешенное решение. Поэтому я не тороплюсь с ответом.

— Обещай хотя бы подумать, — удручённо вздыхает собеседник.

— Хорошо. Дай мне время.

Я отключаюсь и хочу продолжить плакаться Эрни, но меня снова отвлекают.

В дверь стучит экономка и сообщает, что ко мне пришёл посетитель. Крайне заинтригованная, я спускаюсь на первый этаж и как вкопанная замираю в дверях. Меньше всего на свете я ожидала увидеть здесь её!

По гостиной неторопливо прогуливается Бриана Монтгомери. В бежевых укороченных брюках и зелёном жакете, красиво оттеняющем её рыжие волосы. Образ дополня-

ют шёлковый топ и модельные туфли на высоких каблуках. Она с лёгкой заинтересованностью разглядывает окружающую обстановку, а я в который раз поражаюсь разительным переменам. Ничто в этой утончённой, ослепительно красивой девушке не напоминает неуклюжую толстушку Бри. Надо признать, она не только проделала гигантскую работу над своей внешностью, но и научилась подавать себя в максимально выгодном свете.

С моим появлением Бриана грациозно оборачивается и замирает вполоборота к дверям. Проникающие сквозь высокие окна лучи солнца подсвечивают тонкую фигурку, вспыхивают золотистыми бликами в волосах. Готова поспорить, она прекрасно осознаёт, сколь роскошно выглядит с такого ракурса.

На её фоне я чувствую себя оборванкой. Ведь я не ждала гостей и спустилась вниз как была — в обычных джинсах, толстовке и с гулькой на голове.

— Бри, какой неожиданный сюрприз! — с наигранным восторгом восклицаю я.

— Шелби, дорогая!

Гостья мгновенно включается в игру, расплываясь в идиотской улыбке, и разводит руки для объятий.

Пока Глория рядом, мы старательно изображаем долгожданную встречу двух подруг. Не уверена, но экономка запросто может шпионить за мной и обо всём докладывать отцу. Так что приходится тщательно контролировать каждый

свой шаг.

— Мисс Эллингтон, вам подать чай? — учтиво интересуется Глория.

— Да, спасибо.

Как только женщина уходит, мы обе отбрасываем притворство. На лице Бри тотчас проявляется гримаса мстительного предвкушения. Даже любопытно, что она задумала. Я присаживаюсь в кресло, продолжая внимательно наблюдать за гостьей.

— Итак, чем обязана?

— Ой, да будет тебе. Вчера у нас было так мало времени, чтобы пообщаться. Вот я и подумала: а не нанести ли визит своей дорогой однокласснице?

— Отличная попытка, но сейчас можешь быть откровенна. Нас никто не слышит.

— Точно! Ну и как тебе, Шелби, без свиты? — насмешливо интересуется Бри, изящно опускаясь на диванчик напротив меня. — Должно быть, мучительно осознавать, что тебя предали лучшие подруги. И как быстро Талула и Кэролл забыли о твоём существовании.

При упоминании их имён в груди ворочается лёгкая обида. Но, если честно, времена, когда я бесилась от их предательства, давно прошли.

— Едва ли я могу их в этом винить, — спокойно поясняю я. — После случившегося родители запретили им общаться со мной.

— Ещё бы! — с восторгом восклицает Бри. — Скандал вышел ужасный. А фото выше всяких похвал! В стельку пьяная наследница Эллингтон садится в машину, а через десять минут сносит дорожное ограждение.

Она счастливо вздыхает, не сводя с меня змеиного взгляда.

— Если бы ты только знала, сколько раз я представляла нашу встречу.

— Неужели? Я даже польщена, хоть кто-то помнил обо мне. А теперь серьёзно, Бри, к чему все эти разговоры? Много воды утекло с тех пор. Если ты хотела досадить мне, спешу огорчить: я давно забыла о том происшествии и обид ни на кого не держу.

— Боже, — она закатывает глаза, — ты ещё молитву прочитай. Кто бы мог подумать: отвязная Шелби превратилась в святошу! Сюр, да и только.

Я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не вышвырнуть нахалку за дверь.

— Мы все изменились.

— Хорошо, посмотрим, что ты скажешь на это.

Она медленно подаётся вперёд и угрожающе прищуривается.

— Вы никогда меня не замечали, но я всегда была где-то поблизости. И ждала… с телефоном наготове.

В этот момент на её лице отчётливо проявляется победоносное выражение.

Я же лихорадочно сопоставляю её последние слова с темой разговора, и всё становится предельно ясно. Так вот кто сделал те скандальные фотки, а после слил их в сеть! Они стали главным доказательством моей вины и последней каплей в чаше терпения отца. Именно после обнародования снимков он упёк меня в пансион!

Мне до ужаса хочется вцепиться в рыжую шевелюру, а ещё лучше — как следует расцарапать надменную рожу Бри. Ума не приложу, как мне удаётся сдержаться. Видимо, духовные практики монахинь всё же не прошли зря. Однако ничто не способно удержать меня от крошечного, но предельно точного словесного удара.

— Раз уж мы заговорили про фотографии. Те снимки, — я делаю особое ударение на слове «те», — всё ещё у меня. И, прошу заметить, в отличие от тебя, я компроматом так и не воспользовалась. Пока…

При этих словах лицо собеседницы резко бледнеет. И я её отлично понимаю. Во время одной из вечеринок мы с подругами напоили Бри до свинского состояния. Пока она обнимала унитаз, мы нафоткали её со всех ракурсов. Утром, увидев снимки в мессенджере, Бри впала в жуткую истерику. Она уверяла, что отец убьёт её, если фотографии попадут в сеть. Но мы заверили, что не станем публиковать их, если… весь следующий год Бриана Монтгомери будет прислуживать нам. Фактически мы не оставили ей выбора. Она не могла пожаловаться на нас ни родителям, ни учителям,

ни директору школы, опасаясь огласки. Поэтому весь восьмой класс Бри безропотно убирала за нами посуду в столовой, решала за нас контрольные и делала домашку.

Да, дети бывают безумно жестоки, особенно с безлимитными золотыми кредитками, способными купить всё, включая совесть. Но справедливости ради замечу, что снимки мы действительно нигде не опубликовали.

— О, напрасно было надеяться, что ты изменилась. Всё та же подлая сука, — резко вскидывается Бри.

— Нет, не та же.

Я делаю глубокий вдох. Как бы ни была велика обида на поступок Бри, из-за которого я вылетела из школы и была отправлена в ссылку, я не желаю продолжения этой войны.

— Поверь, я изменилась. И давай не будем ворошить прошлое.

— Ты издевалась надо мной всю среднюю школу. Думаешь, об этом легко забыть?!

— Я была плохой девочкой. И прошу у тебя прощения.

— И не мечтай! Я превращу твою жизнь в кошмар. На каждой вечеринке, на каждом приёме я буду доставать тебя и издеваться над тобой.

Усмехнувшись, я окидываю Бри задумчивым взглядом, удивляясь превратностям судьбы.

— Поздравляю, Бри. Ты стала мной. Счастлива?

На секунду в её глазах мелькает растерянность, но Бриана быстро маскирует её злорадством.

— Вполне. Берегись, Элизабет Шелби Эллингтон, и почаще оглядывайся. Ведь поблизости могу оказаться я.

Не зря говорят: нет ничего страшнее мести терпеливого человека. А Бриана терпела долго, возможно, даже слишком долго. Похоже, желание досадить мне перешло в стадию одержимости. Видит Бог, я сделала всё, что могла, чтобы вразумить взбесившуюся Монтгомери. Остаётся последнее — ответить тем же оружием…

— Конечно, Бри, ты всегда была где-то за моей спиной. Тебе не привыкать. Но не вздумай встать на моём пути — вот где тебе не поздоровится.

— Посмотрим, — мстительно шипит Бри, после чего резко срывается с места и мчит к дверям.

Через секунду воздух взрывается от звуков бьющейся посуды. Идиотка умудрилась налететь на Глорию и выбить у неё из рук поднос. На несколько секунд обе в шоке замирают. Я же с затаённым удовольствием смотрю, как по одежде Брианы безобразными кляксами стекают чай, сливки и джем.

Отличное чаепитие! Одно из лучших в моей жизни!

— Ты специально это подстроила! — верещит Бри и тычет пальцем в мою сторону. Затем переводит взбешённый взгляд на Глорию. — Тварь, вы все здесь заодно!

Дальше одновременно происходят две вещи. Бесшумным цербером в дверях появляется Марко и сканирует окружающую обстановку. А гостья с силой отталкивает несчастную экономку. Та впечатывается в дверь, а Бри пулей вылетает

в холл. До слуха доносятся её гневные вопли, которые обрываются вместе с грохотом захлопнувшихся парадных дверей.

— Глория, вы в порядке?

Я подлетаю к женщине и обеспокоенно осматриваю её.

На бедняжке лица нет. Дрожащими руками она поправляет заляпанный джемом передник и с ужасом заглядывает мне в глаза.

— Вы уволите меня, мисс Эллингтон?

— За что?! Вы только что спасли меня от крайне неприятной особы. Давайте помогу вам прибраться.

Я опускаюсь на колени и осторожно собираю осколки на поднос. Вдруг чувствую лёгкое прикосновение к плечу.

— Мисс Эллингтон, не нужно, прошу вас.

Глория быстро опускается рядом и с опаской косится на охранника, застывшего невозмутимой статуей.

— Шелби, — мягко поправляю я и ободряюще улыбаюсь, — прошу, зовите меня по имени. И не переживайте: если вы не планируете всадить в меня один из этих осколков, Марко с места не сдвинется.

И, словно в пику моим словам, охранник подходит предельно близко и нависает над нами. Отчего пальцы Глории начинают дрожать сильнее.

— Мисс… — начинает Марко.

Моё лицо мгновенно искажает гримаса отвращения. Заметив это, охранник быстро исправляется:

— Шелби, вы не поранились?

— Нет, всё отлично! Марко, будьте добры, внесите Бриану Монтгомери в чёрный список. Ей нечего делать в этом доме.

— Принято, — ровно отвечает он, продолжая следить за мной непроницаемым взглядом.

И вновь я поражаюсь абсолютной безэмоциональности этого человека. Всегда спокоен, всегда собран, если не сказать чёрств. И, кажется, его холодные серые глаза никогда не моргают. Пару раз мне даже хотелось внезапно хлопнуть перед его лицом в ладоши, чтобы проверить, может ли Марко двигать веками или у него редкий случай паралича. Но я побоялась. Признаться, его каменное лицо со шрамом, пересекающим бровь, всё ещё наводит на меня жуть.

Управившись с беспорядком, устроенным Брианой, я наконец-то добираюсь до сообщений Оскара. Но стоит кликнуть по первой ссылке, как внутри всё обрывается:

«После трёх лет отсутствия Элизабет Эллингтон — дочь известного бизнесмена Николаса Эллингтона, владельца торговой сети „Лоу Кост“, а теперь ещё и кандидата на пост сенатора от штата Нью-Йорк, — неожиданно появилась на благотворительном вечере, устроенном в поддержку жертв домашнего насилия. Напомним, её исчезновению предшествовала автомобильная авария, произошедшая на северном побережье Лонг-Айленда. Если верить информатору, мисс Эллингтон, не имевшая на тот момент водительских прав, управляла автомобилем в состоянии алкогольного опьянения…»

От прочитанного тело покрывается липкой испариной, мне хочется разбить телефон о стену. И это называется успехом?! Все запомнили меня пьяной малолеткой!

Игнорируя оглушительный грохот сердца, я возвращаюсь к статье.

«…для благотворительного вечера Элизабет выбрала платье от… бла-бла-бла… Её внезапное воскрешение вызывает много вопросов. Где она провела последние три года? Сумела ли избавиться от пагубных привычек? И каких сюрпризов нам ждать от богатой наследницы…»

Последние строки мгновенно активизируют мой мозг. Мне срочно нужно дать журналистам новую пищу и тем самым перекрыть негативный шлейф прошлого. Я набираю номер Оскара и выпаливаю:

— Я согласна. Организуй интервью как можно быстрее!

— Оу, полегче, тигрица! — восклицает он и более спокойным тоном поясняет: — Для начала тебе нужно пройти медиаподготовку. А пока мы заполоним светскую хронику твоими блистательными фотографиями. Завтра утром приеду к тебе, проработаем образы.

— Супер! С нетерпением жду встречи!

Хейз.

Изучи своих врагов. Научись думать, как они. Предугадывать их действия. И тогда ты сможешь победить.

Так учил меня отец. Именно поэтому на столе лежит пап-

ка с досье на Элизабет Шелби Эллингтон. Надо признать, очень тонкая. И единственное компрометирующее фото в ней — пятилетняя малышка верхом на пони. Либо Шелби — образец благочестия, либо кто-то хорошенько почистил её историю. Я склоняюсь ко второму варианту. В пользу этой версии свидетельствуют сегодняшние статьи, попавшиеся на глаза во время чтения утренних новостей. Из них мне стало известно об автомобильной аварии, но, к сожалению, никаких подробностей не сообщалось. Как и сведений о местонахождении мисс Эллингтон после описанного события. И меня одолевают вопросы: где она пропадала, как очутилась в Италии и почему «воскресла» именно сейчас? Не год назад и не через год.

Давай, Хейз, напряги извилины.

Итак, золотая девочка пропадает со всех радаров, а затем неожиданно появляется на приёме с отцом. Скорее всего, её возвращение как-то связано с предстоящими выборами. И здесь два варианта: либо Эллингтону необходима поддержка семьи, либо он решил использовать дочь против своего главного конкурента. Кровожадная часть меня мгновенно ощетинивается, но рациональная указывает на имя, написанное на папке. Шелби не соврала насчёт него. Так, может, и всё прочее — не более чем плод моей маниакальной подозрительности? И нет никакого заговора с целью втянуть меня в войнушку семей, нет притворства и обмана с её стороны. Может, она всего лишь молодая девчонка, которой не по-

счастливилось оказаться в гуще событий?..

Проклятие! Кажется, я совершенно запутался.

Откинув папку на стол, я устало прикрываю глаза. И тотчас под сомкнутыми веками возникает образ Шелби в вечернем платье: изящная, хрупкая и невероятно сексапильная, с таким обалденным телом и невинным личиком, что у любого парня старше четырнадцати только от одного взгляда на нее мгновенно возникнет эрекция. Невовремя разыгравшееся воображение, напрочь затмевает логику, и подкидывает мне одну горячую картинку за другой. Как Шелби лежит, растянувшись на мне после падения, и недоуменно хлопает ресничками. Как прижимается ко мне в кабинки колеса обозрения, с жаром отвечая на поцелуй и напрочь позабыв обо всех своих страхах. Как я веду ее в танце, сжимая тонкую талию и отчетливо ощущая ее сбившееся дыхание на своей коже. И с каждой секундой возбуждение во мне возрастает все сильнее. Очухиваюсь только когда мой каменный дружок начинает подпирать стол, словно пятая ножка.

Чёрт! Меня точно увело не в ту сторону. Я призываю на помощь всё своё здравомыслие, но мозг отчаянно буксует, отказываясь работать.

Ладно, к чёрту всё! На часах десять вечера. Я приказываю себе встать и ехать домой. От усталости рубит на ходу. Практически на автопилоте доезжаю до высотки, где живёт брат. На время, пока длится расследование, я решил пожить у него. Поскольку сейчас, как никогда прежде, он нуж-

дается в моей поддержке. Но, едва открыв входную дверь, я уже сильно сомневаюсь в принятом решении. Перед глазами предстаёт привычная картина. Уильям сидит в гостиной перед плазмой, на которой крутится очередной тупой боевик с гонками и стрельбой. Вокруг него коробки из-под еды и пустые бутылки. При виде меня он расплывается в пьяной улыбке.

— Хей, Хейз! — Он салютует мне почти пустым бокалом и хихикает. — Что-то ты не весел. Неужели управление отелем оказалось тебе не по зубам?

Я понимаю: сейчас за него говорят ревность и алкоголь. Узнав, что отец назначил меня управляющим, Уилл начал пить не просыхая. И с каждым днём его состояние становится только хуже. Если в первые дни мы могли спокойно поговорить, то в последнее время из его рта вываливаются лишь оскорбления.

Он кое-как поднимается с дивана и, пошатываясь, идёт ко мне.

— Думал, всё так просто в жизни? А вот ни хрена! Чёртов засранец кидает нас, словно щенков, в прорубь и наблюдает, как мы барахтаемся.

Похоже, агрессия переключилась на отца. Уилл снова открывает рот, но налетает на дверной косяк и заходится проклятиями. Одно только хорошо: удар напрочь выбивает прежние мысли из его головы. Выражение лица меняется на глумливо-пошлое.

— Кстати, ты уже оценил мою секретаршу? Скажи, горячая штучка…

— Я уволил её в первый же день.

После этих слов его лицо вновь искажается злобой.

— Какого чёрта ты распоряжаешься моими сотрудниками?! Кем ты себя возомнил?

Не реагируя на провокации, я прямиком иду в душ. А когда выхожу, Уилл валяется ничком на кровати в полной отключке. Идеально! Можно с чистой совестью идти спать.

Шесть часов сна пролетают в одно мгновение — и, очевидно, мимо меня. Я не чувствую себя ни отдохнувшим, ни способным на очередные трудовые подвиги. Внезапно меня разбирает злость. Я влетаю в гостиную, собираю все бутылки, в которых плещется хоть капля алкоголя, и выливаю их содержимое в раковину. Та же участь настигает припасы из бара, холодильника и бильярдной. За полчаса я уничтожаю всю выпивку в доме. В самом зверском настроении врываюсь в спальню брата и тут же морщусь от отвращения. Комната напоминает свинарник: гора грязных вещей, пустые бутылки, а запах такой, словно под кроватью кто-то нагадил. Стараясь не обращать внимания на бардак, я трясу Уилла за плечи до тех пор, пока он не разражается ругательствами.

— Так, а теперь слушай внимательно и запоминай! Я вылил всю выпивку. С алкоголем покончено!

Недоумение в сонных глазах брата резко сменяется возмущением.

— Сегодня у тебя первый рабочий день на удалёнке. Так что быстро приведи себя в порядок, открывай лэптоп и включайся в работу.

— Отец отстранил меня от дел, если ты забыл, — едко напоминает Уильям и откидывается обратно на подушки.

— А мне плевать! Будешь работать инкогнито, ясно?! Я задолбался вкалывать, пока ты с утра до ночи пьёшь. Достаточно, Уилл!

— Пожалуй, ты прав. — Он задумчиво скребёт щетину на подбородке. — Что на повестке дня?

— Так-то лучше, — ухмыляюсь я. — Чёртов приём по случаю открытия. И мне не обойтись без твоей помощи.

— Ммм… Вечеринка. Это по моей части.

— Отлично. В течение часа перешлю тебе все материалы.

После душа брат выглядит значительно лучше, а съев завтрак, и вовсе обретает нормальный человеческий вид. До обеда мы успеваем согласовать множество вопросов по мероприятию. Видно, организовывать вечеринки ему приходилось ни раз.

И почему я не додумался подключить его раньше? Благодаря участию Уилла дело идёт в разы быстрее. Он также помогает мне разобраться с заказами. Я, конечно, предполагал, что для комплектации номеров требуется прорва всякой всячины, но предоставленный менеджером список меня просто шокировал. Триста наименований — о половине из них я слышу впервые и даже не понимаю, что это и для чего

используется.

В обед я спускаюсь в ресторан отеля, чтобы продегустировать варианты блюд. Вместе с шеф-поваром мы довольно быстро определяемся, какие из них включить в постоянное меню, а какие подать на открытии. Закончив с кухней, я поднимаюсь на второй этаж в один из номеров. И знаете для чего? Чтобы лично убедиться, что премиальное постельное бельё достаточно премиальное для нашего отеля. Идиотизм, да и только! Чувствую себя невероятно глупо, тем не менее с самым серьёзным видом провожу ладонью по простыне, затем мну в руках подушку и одобрительно киваю выстроившимся в ряд горничным. Далее перевожу вопросительный взгляд на Агнес, которая всё это время уверенно ведёт меня по списку дел и без конца строчит в своём блокноте, чтобы ни одна мелочь не затерялась в этой суматохе.

— Что дальше?

— Номера люкс, — тут же откликается секретарь. — Вам надлежит лично проверить их готовность.

Жесть! Но ничего не поделаешь, надо так надо. Я покорно иду к лифту, чувствуя, как в кармане вибрирует телефон. Кинув взгляд на экран, лишь вздыхаю и вот уже в третий раз сбрасываю звонок от своего лучшего друга Дерека. Сегодняшний день — полное сумасшествие, расписан буквально по минутам.

Оказавшись в люксе, я обвожу глазами окружающую обстановку. На первый взгляд всё выглядит замечательно. Но-

мер полностью готов к приезду первых постояльцев: мебель расставлена по своим местам, кровать застелена, ванная комната и мини-бар полностью укомплектованы. Но как будто чего-то не хватает… Пытаясь понять, что не так, я сверяюсь с 3D-эскизом на планшете. Точно! На стенах отсутствуют картины.

В этот момент в дверном проёме появляется Оливия Ким — дизайнер интерьеров. И хотя мы уже не первый год сотрудничаем с ней, до сего момента мне не приходилось общаться с ней лично. Надо признать, внешность мисс Ким производит весьма сильное впечатление. В ней безошибочно угадываются азиатские гены: начиная с миндалевидного разреза глаз и заканчивая прямыми чёрными волосами и точёной фигуркой. На ней обтягивающая красная юбка и белая шёлковая блузка. Верхние пуговицы расстёгнуты, и в образовавшемся вырезе отчётливо видны кружево бюстгальтера и ложбинка между грудями. То ли из-за скопившегося сексуального напряжения, то ли из-за экзотической красоты Оливии меня охватывает непреодолимое желание запустить руки в вырез блузки и хорошенько поиграться с её малышками. Воображение мгновенно рисует распластанную на кровати мисс Ким… а дальше мы с особым пристрастием тестируем премиальное бельё, да и саму кровать на прочность.

Видимо, я слишком откровенно пялюсь на её декольте, раз пухлые губы мисс Ким расплываются в понимающей улыбке.

— Добрый день, мистер Кингсли, — томным голоском приветствует она. — Надеюсь, вам нравится то, что вы видите.

От таких слов я на мгновение зависаю, а моя секретарь неодобрительно поджимает губы. Прочистив горло, я уточняю:

— Вы о чём?

— Об интерьере, конечно.

Она изумлённо распахивает свои раскосые глаза, но в них отчётливо читается лукавство.

Отточенной походкой супермодели Оливия приближается к нам и обводит рукой окружающую обстановку. Она явно в восторге от себя и точно знает, какое впечатление производит на мужчин. Почему-то меня злит столь откровенное самодовольство. Немного осадить красотку не помешает.

— Спешу вас огорчить, мисс Ким. Мне нравится далеко не всё. Например, отсутствие картин на стенах.

— Фотографии подходящих вариантов я отправила Уиллу ещё два месяца назад.

Уиллу, значит… Не слишком ли фамильярное обращение? Держу пари, мой братец успел залезть ей под юбку. Стоит подумать об этом, как интерес к Оливии резко идёт на спад. Я набираю номер брата и, не обращая внимания на собеседницу, уточняю:

— Уилл, я сейчас с Оливией Ким. Она утверждает, что давно отправила тебе фото картин для номеров люкс. Ты их

получал?

— Да, и ответил, что они полный отстой. Нам нужно нечто современное и крутое.

— Оливия, нам нужно нечто современное и крутое, — тут же транслирую я дизайнеру. — И побыстрей.

За секунду всё её самодовольство исчезает, ему на смену приходит растерянность.

— Даже не знаю… Дайте-ка подумать.

Она нервно кусает губы и хмурится.

Я намеренно давлю на неё взглядом, хотя больше злюсь на Уилла, затянувшего с таким простым делом, как выбор чёртовых картин. Наконец лицо дизайнера просветляется. Аллилуйя! Я уж подумал, мы проторчим здесь до вечера.

— Могу рекомендовать вам Ребекку Доусон. К слову, её галерея находится неподалёку, можем прогуляться вместе и ознакомиться с работами.

— Хорошо…

Я перевожу взгляд на секретаря.

— Агнес, что у нас ещё на сегодня?

— В три часа встреча с флористами, далее обсуждение фейерверка с пиротехниками. К пяти вы освободитесь.

Я вопросительно вскидываю брови, глядя на Оливию, на что она с готовностью кивает.

— Отлично, встретимся в холле ровно в пять.

С этими словами я выхожу из номера.

Мой мобильный снова вибрирует, и я решаю ответить.

— Наконец-то! — доносится обиженный голос Дерека. — Складывается впечатление, что ты нас игнорируешь.

— Дерек, рад слышать. Извини, мне сейчас ни до чего. Отец поручил подготовить отель к открытию, и у меня голова идёт кругом. Кстати, почему ты говоришь о себе во множественном числе?

— Потому что рядом со мной Майлз и Шейн.

Из динамика тут же раздаются одобрительные вопли.

— Парни прилетели сегодня утром, и им не терпится завалиться в какой-нибудь клуб, чтобы как следует оттянуться. Не хватает только тебя.

Близнецы Майлз и Шейн Хаксли тоже учились в Гарварде и занимали соседние с нашими апартаменты в общаге. Благодаря настойчивости Майлза и весёлому, лёгкому нраву Шейна у нас с Дереком не было ни единого шанса избежать новых друзей. И если поначалу их тяга к общению немного утомляла, то по мере знакомства мы всё больше проникались к ним симпатией и в конечном итоге впустили близнецов в свой тесный круг.

Как и все однояйцевые близнецы, они обладали пугающе идентичной внешностью. Впрочем, на этом сходство заканчивалось. Майлз был настоящим полиглотом: в совершенстве владел тремя языками, а китайский знал лучше, чем большинство китайцев. Увлекался историей, социологией (что, однако, не мешало ему порой валять дурака и отжигать наравне с братом), поэтому неудивительно, что его вы-

бор пал на факультет политологии. Шейн же не отличался ни серьёзностью, ни тягой к наукам, а вот к тачкам, девушкам и вечеринкам проявлял завидный интерес. Как он вообще умудрился поступить в Гарвард, а тем более на архитектурное направление — большая загадка.

Одним словом, характеры у них были совершенно разными, а вот дури у каждого хоть отбавляй. Я ни капли не преуменьшу, если скажу, что с появлением близнецов наша с Дереком размеренная студенческая жизнь стала напоминать взрывающийся попкорн. Поэтому, услышав предложение друга, я внутренне чертыхаюсь. Пойти сегодня в клуб с Шейном и Майлзом — стопроцентная гарантия того, что завтрашний день будет просран. И хотя соблазн повеселиться велик, всё же врождённое чувство ответственности сильнее. Поэтому…

— В клуб точно без меня, но мы можем встретиться в «Птицах»…

Я смотрю на часы, прикидывая, во сколько сумею вырваться.

— Скажем, часиков в семь.

— Бро, это подстава… — кисло тянет Дерек, — но мы согласны!

Отлично! Завершив разговор, я возвращаюсь в свой кабинет, где меня уже ждут дамы-флористы.

Глава 4.

Шелби.

Верный своему слову, ровно в десять утра на пороге дома появляется Оскар. Вместе мы перетрясаем весь шкаф. Под чутким руководством стилиста я комбинирую одежду, обувь и аксессуары. Самые удачные сочетания он фотографирует на мобильник и отправляет мне с пометками, для каких мероприятий подходит тот или иной образ. Как говорится, лень — двигатель прогресса. Чтобы не ездить к клиентам каждый раз перед вечеринкой, Оскар использует эту простую, но гениальную схему. Таким образом, на моём телефоне появляется целая папка готовых решений. И не нужно ломать голову!

Далее по видеосвязи он знакомит меня с девушкой, которая будет обучать меня тонкостям общения с медиа: как держаться перед камерами, что отвечать на вопросы, в том числе неудобные. Из нашего короткого диалога становится понятно, что мне предстоит огромная работа. Видимо, оценив моё ошеломлённое лицо, Мэгги предлагает провести первое занятие уже сегодняшним вечером. Мне не остаётся ничего иного, как согласиться. Чем раньше мы начнём, тем скорее я обрету необходимые навыки и уверенность.

— Завтра «Астон Мартин» презентует свой новый суперкар, — перед уходом сообщает Оскар и весело подмигивает.

— Ты в списках приглашённых. Подробности скину в мессенджер.

— Завтра?! — в шоке восклицаю я. — Но я ещё не готова!

Столь масштабное мероприятие меня пугает. Там будет куча незнакомых людей, и вообще я ничего не смыслю в суперкарах!

— От тебя требуется лишь покрутиться перед камерами. Не переживай, я буду рядом. А сейчас извини, мне пора бежать!

Предстоящие события настолько будоражат воображение, что невозможно усидеть на месте. И в конечном итоге я прошу Марко отвезти меня в госпиталь. Официально — чтобы увидеться с братом, но на самом деле мне хочется отвлечься.

Ещё у дверей палаты до слуха доносится громкий хохот. Заглянув внутрь, я с удивлением обнаруживаю Майкла, нарезающего круги по комнате. В этот момент он с кем-то весело болтает по телефону и выглядит почти здоровым. Синяк на лице окончательно исчез, походка расслабленная — значит, трещины в рёбрах его больше не беспокоят. Об ужасном нападении напоминает лишь загипсованная рука.

Я тихонько приветствую его и, не желая мешать, собираюсь присесть в кресло, как вдруг Майкл скидывает звонок и берёт меня за руку.

— Вы только посмотрите на эту стильную штучку! — присвистывает брат.

Я не стала переодеваться после встречи с Оскаром. По-

этому на мне светлый брючный костюм с широкими брюками-палаццо, который мы планировали использовать для одного из будущих интервью.

Майкл заставляет меня повернуться вокруг своей оси, не сводя с меня восхищённого взгляда.

— Отлично выглядишь, сестрёнка, — подмечает он, — по какому случаю?

— Да так… Просто настроение хорошее, — отмахиваюсь я.

— А меня завтра выписывают, — радостно вопит он. — Ты рада за меня, Элли-Шелли?

Я не успеваю ответить, как Майкл сгребает меня в охапку, вышибая из лёгких весь воздух. Для этого ему достаточно всего одной здоровой руки!

— Очень рада, — хриплю я, пытаясь высвободиться из медвежьих объятий. — А теперь отпусти меня!

— Вот как ты с умирающим братом, да?

Высвободившись, я поправляю одежду и волосы и пришпиливаю брата нарочито грозным взглядом.

— Во-первых, ты не умираешь, во-вторых, уже завтра тебя выпишут. Отец ждёт не дождётся твоего возвращения.

Услышав это, Майкл вопросительно вскидывает брови и меняет тему:

— Кстати, как у тебя с ним?

— Нормально. На днях посетили благотворительный вечер. Прошло так себе.

— Почему? Что случилось? — тут же настораживается брат.

Поразмыслив, я решаю сказать как есть. И тому есть две причины. Первая: мы с Майклом всегда были довольно откровенны. А вторая: вопрос о причинах вражды по-прежнему не даёт мне покоя, и я рассчитываю разузнать, известно ли ему что-нибудь об этом.

— Меня пригласил на танец один парень… А потом выяснилось, что это был Хейз Кингсли. Как можно догадаться, папа был не в восторге.

Ещё секунду назад беззаботный и расслабленный брат исчезает, вместо него передо мной появляется до предела напряжённый и мрачный незнакомец.

— Ты ведь знаешь, из-за кого я очутился на больничной койке? — хрипло интересуется он.

— Да, из-за Уильяма Кингсли, — осторожно отвечаю я.

— Именно! Мой тебе совет: держись от Кингсли подальше! Они все законченные уроды.

— Я понимаю твоё негодование, но позволь задать вопрос.

Дождавшись кивка, я выпаливаю:

— Многолетняя вражда Эллингтонов и Кингсли — что тебе известно об этом?

— Сестренка, не лезь в это дерьмо. Едва ли тебе удастся докопаться до истины, только замараешься.

— Ты не понимаешь. Нам с детства внушали ненависть к

этому семейству. Уверена, с той стороны происходило нечто подобное. Но почему мы должны ненавидеть друг друга, даже не зная причин? Тебе не кажется это странным?

— Нет, не кажется. Все Кингсли — подлые, лживые твари, способные на самые грязные преступления. Шелби, я категорически против того, чтобы ты приближалась к этой семейке.

— Глупости. Мне ничего не угрожает. Хоть ты не скатывайся в паранойю.

— Не глупости! — гневно выкрикивает он, тяжело дыша.

В полнейшем замешательстве разглядываю Майкла и ловлю себя на чудовищной мысли. Сейчас он до ужаса напоминает мне отца: то же ожесточённое лицо, стиснутые челюсти и непримиримая уверенность в собственной правоте. И все надежды на его помощь рушатся в одночасье. С пугающей ясностью я понимаю, что Майклу нет никакого дела до причин вражды: он безоговорочно принял правила этой извращённой игры в ненависть.

Помолчав секунду, он продолжает:

— Мерзкий ублюдок избил меня до полусмерти, а теперь прикрывается тем, что спасал девушку. По-твоему, так поступают хорошие люди? Ты слишком наивна, если думаешь, что, выяснив правду, сможешь что-то изменить.

Из его гневной отповеди мне удаётся вычленить главное.

— Какую девушку, Майкл?

Я изначально подозревала, что не всё так гладко с этой

историей, теперь же почти уверена, что брат попросту скрыл от меня важные нюансы.

— Какая-то девка-хостес, — с отвращением в голосе поясняет он.

И с каждым его словом к горлу всё ближе подступает тошнота.

— Мы помяли её ради шутки. И непременно бы отпустили… спустя какое-то время… Но вмешался Кингсли.

Я смотрю на него и не верю. Как можно быть столь любящим и заботливым братом и так мерзко отзываться о беззащитной девушке?

— Майкл, ты говоришь отвратительные вещи. Представь: на её месте оказалась бы я, а пьяные уроды тискали бы меня и измывались надо мной.

— Ты никогда не будешь на её месте. Брось, Шелби, это была обычная потаскуха, одна из тех, что ошиваются по клубам в поисках богатых клиентов.

— Прежде всего она человек!

— Ой, только избавь меня от феминистских проповедей! Вы, девочки, горазды драматизировать на пустом месте.

Последняя фраза, произнесённая пренебрежительным, насмешливым тоном, ударяет по нервам бейсбольной битой. И окончательно открывает мне глаза. Как и отец, Майкл видит во мне лишь глупенькую девочку с наивными взглядами. Как и отец, он будет отмахиваться от меня каждый раз, когда я стану отстаивать своё мнение или требовать равноправно-

го отношения. Какая жалкая, незавидная роль отведена мне в семействе Эллингтон!

Мои кулаки сжимаются в бессильной ярости и отчаянии. Внутри нарастает жгучее желание поскорее убраться отсюда. Но прежде…

— Если Уильям Кингсли надрал тебе зад, спасая беззащитную девушку, он поступил правильно. А тебе следует отозвать заявление из полиции!

— Следи за языком, Шелби! И не указывай мне, что делать! А что касается Кингсли…

По губам Майкла скользит мстительная улыбка.

— Можешь не сомневаться, ближайшие двадцать лет ублюдок проведёт за решёткой.

Не в силах больше смотреть на брата, я стремительно покидаю палату и мчусь по коридору на такой скорости, словно за мной гонятся все черти мира. И только оказавшись в лифте, замечаю рядом Марко. В полном молчании мы спускаемся на первый этаж и садимся в машину.

На душе так мерзко, хоть вой. Грудь теснят горькие чувства: обида, негодование, но сильнее всего — разочарование. Майкл всегда был для меня примером для подражания. Как же так вышло, что из чуткого, искреннего парня он превратился в ожесточённого и лицемерного мерзавца, упивающегося собственной вседозволенностью? И тут же приходит ответ: чему тут удивляться? Каков учитель, таков и ученик. Браво, папа, ты воспитал идеального преемника! Напрасно

было надеяться, что брату удастся избежать отцовского влияния. Оно, как раковая опухоль, год за годом проникало всё глубже, сжирая всё то светлое и хорошее в нём, чем я когда-то восхищалась. И дальше будет только хуже. Ни секунды не сомневаюсь: в конечном итоге Майкл станет точной копией родителя.

Я сглатываю скопившуюся во рту горечь, но едва ли это помогает. Огромное и холодное, как океан, чувство одиночества накатывает волна за волной. Сначала ушла мама, затем от меня отвернулись все подруги, а теперь отдалился и брат. Мне всегда были крайне важны его поддержка и забота, но минувший разговор показал: всё в прошлом. Даже в пансионе мне не было так одиноко и плохо, как сейчас.

И почему ещё не изобрели лекарство от душевных ран? Чтобы разом избавиться от царапин, синяков и прочих болезненных следов, оставленных другими людьми. В тщетных попытках успокоиться я смотрю на улицы, проплывающие за окном автомобиля, на людей и высокие здания. Как вдруг на глаза попадается вывеска художественной галереи Ребекки Доусон.

Я обожала работы этой художницы. На Земле всего четыре процента людей — синестеты, способные соединять сигнал от одного органа чувств с сигналом от другого. Благодаря этой уникальной особенности они могут видеть звуки, ощущать вкус слов или воспринимать чувства цветными. И Ребекка Доусон совершенно точно к ним относится! Она со-

здаёт удивительные, ни на что не похожие картины, в которых вы не найдёте чётких изображений или форм в привычном понимании. Это всегда смешение оттенков и линий, отражение её чувственного восприятия мира.

Я мгновенно выпрямляюсь и прошу Марко остановить машину. Похоже, это то самое лекарство, которое мне сейчас необходимо!

— Я бы хотела зайти в эту галерею, — указываю охраннику на вывеску.

Без лишних вопросов он коротко кивает и окидывает взглядом улицу в поисках парковочного места. И вновь я радуюсь, что рядом со мной столь невозмутимый и молчаливый телохранитель. Вскоре мы выходим из машины и вливаемся в шумную, многоголосую толпу. С замиранием сердца я приближаюсь к дверям галереи. Стоит переступить порог, как я оказываюсь в иной вселенной: поразительной, яркой и столь глубокой, что все неприятности и огорчения этого дня меркнут и уменьшаются до размеров ничего не значащих точек. Всё моё внимание захватывают картины.

Я медленно обхожу зал, подолгу останавливаясь у каждой. Марко держится на расстоянии, не мешая, за что я безмерно ему благодарна. Кроме нас, ещё несколько человек увлечённо рассматривают полотна. Не знаю, сколько проходит времени, но в какой-то момент чувствую непреодолимое желание вернуться к работе под названием «Когда ты меня целуешь». Переплетение пламенно-оранжевых, тёплых беже-

вых и фиолетовых оттенков. Они исходят из противоположных углов, встречаются в середине и закручиваются в единое целое. Картина вызывает такой эмоциональный отклик, что в уголках глаз проступают слёзы, а сердце в груди забывает стучать. Она — слепок пережитых мной ощущений. Словно художница тайком пробралась ко мне в душу и увидела изнутри, что я чувствовала во время того поцелуя.

Поглощённая полотном, я не замечаю, как кто-то встаёт слева.

— Шелби?

Негромкий низкий голос заставляет вздрогнуть. Меня охватывает мощное чувство дежавю. Как в замедленной съёмке поворачиваю голову и тут же обнаруживаю знакомый профиль!

Рядом, заложив большие пальцы в карманы джинсов, стоит Хейз Кингсли. Чертовски сексуальный со своим фирменным беспорядком на голове и лёгкой щетиной на смуглых щеках. Его усталый взгляд задумчиво скользит по картине, но не понять, нравится она ему или нет. Помимо тёмных джинсов, на нём чёрная футболка с треугольным вырезом, серый пиджак, а на ногах ботинки-броги на толстой подошве. И вот уже во второй раз за этот суетный, насыщенный день я радуюсь, что на мне приличная одежда.

— Ты знаешь, какова вероятность случайно встретиться в Италии, а затем ещё дважды в таком огромном городе, как Нью-Йорк?

С этими словами он переводит взгляд на меня. И, как обычно, в глубине чёрной радужки плещется подозрительность.

— Нулевая. — поясняет Хейз. — Ещё немного — и я начну верить, что ты меня преследуешь.

То ли за меня говорят эмоции, спровоцированные полотном, то ли волнение от очередной неожиданной встречи, но я негромко замечаю:

— Это просто происходит. Совершенно не обязательно во всём искать подвох.

Хейз слегка хмурится, поглаживая длинными пальцами подбородок. Но, видимо, решает не придавать моим словам значения и снова смотрит на картину. И совершенно зря. Если бы он уточнил, я бы пояснила, что нам не следует относиться друг к другу враждебно. И нет никакой необходимости смотреть на меня с такой подозрительностью, словно я задумала против него нечто отвратительное. Потому что это совершенно не так.

— Тебе нравятся эти работы?

В его голосе отчётливо слышится скепсис, что неудивительно. Далеко не все способны оценить уникальную технику Доусон по достоинству.

— Очень.

Я смущённо опускаю глаза.

— Если бы я могла раскрасить свои чувства, они выглядели бы именно так.

Его взгляд бегло скользит по названию картины, и тотчас на губах возникает дьявольская усмешка. Готова поспорить, он тоже думает о нашем итальянском поцелуе. Мои щёки начинают гореть, а в области солнечного сплетения возникает приятная щекотка, словно там поселилось семейство легкокрылых бабочек.

Я делаю глубокий вдох и тем самым совершаю фатальную ошибку. Нос заполняет уже знакомый цитрусовый аромат, приправленный запахом солёного бриза. И мне хочется придвинуться ещё ближе, чтобы пропитаться им. Непостижимо, как сильно меня влечёт к этому парню! Мне нравится всё: его запах, внешность, низкий грудной голос и эти дерзкие губы… Я слишком хорошо помню их прикосновение.

— Я ищу картины, чтобы украсить номера люкс, — сообщает Хейз, выдёргивая меня из мира грёз. — Что-то вроде такой абстрактной мазни.

Мазни?!

Прозвучавшие слова действуют как удар электрошокером. Бабочки мгновенно дохнут, а вместе с ними и весь дружелюбный настрой. Да я готова вцепиться в глотку этому нахалу, посмевшему оскорбить творчество моей любимой художницы!

— Не стоит так отзываться об искусстве, — довольно резко замечаю я. — Если не способен понять, хотя бы прояви уважение. И ещё… Использовать картины Ребекки Доусон для обычного декора — кощунство. Их место в частных кол-

лекциях. Не сомневайся, пройдёт совсем немного времени, и они будут стоить целое состояние.

— Да? Тогда, пожалуй, я возьму все картины.

— Кроме этой, — вдруг припечатываю я. — Потому что я покупаю её.

— Извини, но ты опоздала.

С этими словами он кивает кому-то в сторону и делает непонятный жест рукой.

— Считай, картина уже моя.

Обернувшись, я замечаю симпатичную брюнетку. Она стоит чуть поодаль и с нескрываемым любопытством наблюдает за нами. Значит, они пришли вместе. И от этого я раздражаюсь ещё сильнее. Хотя какая мне разница, с кем и куда ходит Хейз?

— И не мечтай!

Я быстро иду к менеджеру, но брюнетка меня опережает. Не обращая на это внимания, бесцеремонно её перебиваю и обращаюсь к женщине:

— Добрый день, я покупаю ту картину.

Менеджер растерянно моргает и переводит изумлённый взгляд на Хейза, который мгновенно материализуется за моей спиной.

— Мой дизайнер первой заявила о намерении купить картину, — невозмутимо сообщает он.

— Это не имеет значения, — пренебрежительно отмахиваюсь я. — Сколько она стоит?

— Семнадцать тысяч долларов, — отвечает женщина.

— Предлагаю двадцать тысяч. – моментально встревает Хейз.

Очевидно, он не из тех, кто легко сдаётся. Впрочем, я тоже.

— Двадцать две! — тут же перебиваю цену.

И мне плевать, что скажет отец, увидев выписку по моей карте.

Судя по лицу менеджера, она пребывает в полном восторге от происходящего. Ещё бы! У неё на глазах разворачиваются настоящие торги.

Хейз тут же накидывает сверху ещё две тысячи. Мы ожесточённо спорим, кому достанется картина, и поднимаем ставки, испепеляя друг друга взглядами. На отметке в сорок тысяч долларов по моей спине стекает капелька пота. Воображение рисует, как отец спускает шкуру с этой самой спины. Но лучше сдохнуть, чем уступить зарвавшемуся Кингсли!

— Сорок пять.

— Пятьдесят, — чеканит он.

На секунду я лишаюсь дара речи и едва сдерживаюсь, чтобы не врезать Хейзу и наконец-то стереть выражение превосходства с его надменной рожи. Меня буквально колотит от возмущения и гнева.

— Поверить не могу! Ты даже не в состоянии понять её и оценить.

На это Хейз патетично закатывает глаза, всем своим видом показывая, насколько ему плевать.

— Это не какая-то дешёвка для вашего убогого отеля, а произведение искусства!

Кажется, мне удаётся пробить брешь в броне его невозмутимости. Он мгновенно весь подбирается и угрожающе рычит:

— Убогого?!

Краем глаза замечаю Марко, и это моментально меня отрезвляет. Какого чёрта я творю? Устроила склоку прямо посреди картинной галереи, как какая-то базарная торговка! Приходится сделать глубокий вздох.

— Окей. Картина твоя.

Напоследок я окидываю Хейза уничижительным взглядом.

— Прискорбно, что она достаётся человеку столь примитивных взглядов.

Я делаю шаг назад, разворачиваюсь и иду к выходу. Дрожащими руками толкаю дверь и оказываюсь на улице, жадно глотая воздух. Такое ощущение, что я только что поучаствовала в забеге. Сердце колотится где-то в горле, кожа горит, а шум в ушах заглушает даже громкие звуки города. Ничего не видя перед собой, я слепо шагаю по оживлённому тротуару. Но меня тут же мягко разворачивают в другую сторону.

— Машина там, — подсказывает Марко, и я послушно следую за ним.

В голове только один вопрос: что это сейчас было? Неужели я действительно готова была драться с Хейзом за картину? Несмотря на твёрдое решение не участвовать в бессмысленном противостоянии наших семей, я сделала всё наоборот. Поддавшись эмоциям, устроила скандал, а после опустилась до оскорблений. Или причина - в заложенных с детства установках? Как бы то ни было, сейчас я ненавижу саму себя.

— Мисс, с вами всё в порядке? — спрашивает охранник, как только мы садимся в машину.

— Не знаю, Марко. Люди бывают до омерзения примитивными. Иногда кажется, несмотря на все старания, мы недалеко ушли от животных.

— Пожалуй, соглашусь.

Я смотрю на Марко. И тут в голову приходит идея. Вот кто может мне помочь в поисках ответов!

— Марко, ты наверняка проходил специальное обучение, прежде чем стать телохранителем.

Мой безэмоциональный охранник-андроид медленно кивает.

— Представь…

Очевидно, мне не стоит раскрывать карты, поэтому я придумываю на ходу.

— Две женщины люто ненавидят друг друга. И тебе нужно понять, в чём причина.

— В мужчине, — ровным голосом отвечает он и отвора-

чивается. Затем заводит двигатель и выворачивает руль.

Я на секунду зависаю от такого быстрого и категоричного ответа. Но сдаваться рано.

— Хм… А если нет? С чего бы ты начал расследование?

— Сколько длится их… неприязнь?

— Долгие-долгие годы… — многозначительно растягивая слова, поясняю я.

— Тогда логично начать с прошлого. Глубокого-глубокого прошлого, — пародируя мой тон, отвечает он.

Надо же, а у робота есть чувство юмора!

— Типа школьных лет?

— Или университетских, — задумчиво подсказывает он. — Чем глубже копнёшь, тем больше шансов найти зацепки.

— Спасибо, Марко! Даже не представляешь, как ты мне помог!

Мысленно я составляю план дальнейших действий, охваченная жгучим желанием провести собственное расследование и наконец-то вытряхнуть из шкафов все скелеты Эллингтонов и Кингсли.

Хейз.

Я действительно потратил пятьдесят штук на кусок ткани с цветастой мазнёй?! Полный бред! Хотя… Вид взбешённой малышки Эллингтон того стоил. Вспоминая её раскрасневшееся лицо, испепеляющий взгляд, то, как она бесилась от поражения, я испытываю глубокое удовлетворение. Привык-

шая всё получать по щелчку пальцев, она, должно быть, до сих пор вне себя от гнева. Ничего, небольшой облом пойдёт ей только на пользу. И это лишь начало. Если она продолжит путаться под ногами, её ждёт жёсткий отпор. И с каждым разом я буду действовать всё беспощаднее.

Если не считать досадной траты, я пребываю в наипрекраснейшем настроении. Оставив Оливию улаживать вопросы с доставкой картин, возвращаюсь к отелю и запрыгиваю в машину. Мой путь лежит в недавно открывшийся бар «Птицы», ставший популярным среди платёжеспособной публики Нью-Йорка. Название придумано неспроста: по периметру зала стоят разнообразные растения, а между ними — клетки с птичками, от канареек до экзотических туканов. И если поначалу какофония их разноголосых криков меня жутко раздражала, то вскоре обнаружился любопытный эффект. Чем больше ты вливаешь в себя алкоголя, тем приятнее звучат их трели. Создаётся ощущение, что ты на экзотических островах, а не в центре перенаселённого и загаженного мегаполиса. Одним словом, дивный райский уголок.

За столиком меня уже ждут друзья и, едва я вхожу, разражаются громкими воплями. Судя по децибелам, пить они начали ещё в обед.

— Бро, мы уж думали, ты нас кинул, — с укором говорит Шейн.

— И вовсю разрабатывали план мщения, — заканчивает за братом-близнецом Майлз.

Они частенько так делают или начинают говорить одновременно, перебивая друг друга. За минувший год я почти привык. И почти научился их различать, хотя это оказалось непросто. У обоих светло-русые волосы, голубые глаза и впечатляющая нижняя челюсть, по которой они довольно часто получают благодаря задиристому нраву. Это делает их ещё больше похожими на Брэда Питта в роли Тайлера Дёрдена. Единственное, что отличает близнецов, — причёски. Майлз носит пробор слева и знаком с таким достижением цивилизации, как расчёска. А вот Шейн вечно ходит лохматый. Но иногда эти придурки делают одинаковые укладки, и тогда отличить их практически нереально. Однако я подметил, что мимика у Майлза спокойнее, тогда как Шейн куда эмоциональнее. Только это меня и спасает. Пока они морочат головы преподавателям и сокурсникам, выдавая себя друг за друга, я могу определить, кто есть кто, понаблюдав за ними некоторое время.

— Извините, задержался на работе.

С этими словами я стягиваю пиджак и плюхаюсь на свободный стул.

— На работе?! — Шейн выглядит шокированным. — Тебя припахали на каникулах?

— Пришлось подхватить дела брата, поскольку Уильям…

— Да, я слышал, — мгновенно помрачнев, кивает Дерек.

Мы дружим ещё со старшей школы, и он — частый гость в нашем доме, поэтому близко знаком со всей моей семьёй.

— Насколько всё паршиво?

— Учитывая, что у него на ноге браслет слежения? Сам-то как думаешь?

— Я могу чем-то помочь? У отца связи со всей судебной верхушкой Нью-Йорка.

Дерек из семьи потомственных адвокатов. Он станет представителем уже четвёртого поколения, выбравшим эту профессию. Принадлежащая им компания «Морган Бразерс» — одна из самых сильных на рынке юридических услуг штата. В списке её клиентов бизнесмены, политики, знаменитости. Короче говоря, недостатка в спросе они не испытывают. Мой отец тоже обратился к ним сразу после происшествия.

— Мы и так подключили ваших лучших адвокатов, — напоминаю я. — Посмотрим, как пройдёт предварительное слушание, и уже после будем делать выводы.

— Чёртовы Эллингтоны, — сквозь зубы цедит Дерек. — Слышал, старый ублюдок собрался баллотироваться в сенаторы.

— Как и мой отец. Нас всех ждут очень… очень весёлые времена.

В ореховых глазах друга мелькает сочувствие, и это заставляет меня перевести разговор на другую тему. Тем более что за время нашей беседы Майлз с Шейном откровенно заскучали.

— Ну а вы чем занимались?

— Только что вернулись из Эмиратов. Ух, ну и тёлочки там, я вам скажу! — Шейн многозначительно двигает бровями. — Каких только нет! И славянки, и европейки, и кореянки… На любой вкус и цвет.

В клетке какая-то птица с чёрно-синим оперением начинает издавать звуки, очень похожие на смех. Словно поняла, о чём идёт речь.

— Надо было соглашаться, когда мы предлагали ехать с нами, — вставляет Майлз. — Кстати, Хейз, что с твоим лицом? Ты какой-то напряжённый…

О нет! Эта кодовая фраза означает только одно: сейчас в меня вольют убойную порцию алкоголя. Рука Майлза тут же взлетает вверх, а за следующие пять минут под улюлюканье приятелей я опрокидываю в себя несколько шотов текилы.

Это срабатывает. По телу разливается приятное тепло, а из головы исчезает лишний мусор. Все недавние проблемы и тревоги отступают. Я обвожу глазами зал и внезапно понимаю, что не прочь подцепить какую-нибудь цыпочку и хорошенько поразвлечься. Стыдно признаться, но в последнее время все мои мысли занимала маленькая сучка Эллингтон. Чёрт бы её побрал! Совершенно не в моих правилах думать о девчонке дольше суток.

За одним из столиков сидит компания девушек. Моё внимание привлекает сексапильная брюнетка с таким откровенным декольте, что мой дружок мгновенно активизируется. Смотрю на неё до тех пор, пока девица не замечает мой

взгляд. Наши глаза встречаются, но она не спешит отвернуться. Вместо этого мило улыбается и хлопает ресничками.

Отлично! Есть контакт. Самое время вернуться к прежним привычкам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.